

ВНЕ РИТМА СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КЭТИ М. ДИ

18+

Кэти Ди
Вне ритма смерти

«Автор»

2026

Ди К. М.

Вне ритма смерти / К. М. Ди — «Автор», 2026

Сотни лет тишины прервались чужим заклинанием. Воскрешенная против воли, Изи не чувствует благодарности только ледяную ярость. Он - Полукровка-охотник, не знающий жалости. Для него Изи лишь очередная мишень. Для неё он единственный шанс навсегда познать смерть. Сделка, скрепленная кровью, была проста: её помощь в обмен на его смертельный выстрел. Но древняя магия дает сбой. В груди мертвой невесты оживает забытый ритм, а между охотником и жертвой натягивается стальная цепь истинной пары. Однако предательство рода Весталин рушит всё. Изи насильно возвращают в её истинное, чудовищное обличье. Связь разорвана. Внутри лишь выжженная пустота. Теперь тот, кто должен был стать её палачом, становится её единственным щитом. Охотник вступает в безнадежную схватку с самой судьбой, пытаясь воскресить их связь. Сможет ли он вернуть душу той, кто больше ничего не чувствует, но вопреки всему остается рядом?

© Ди К. М., 2026

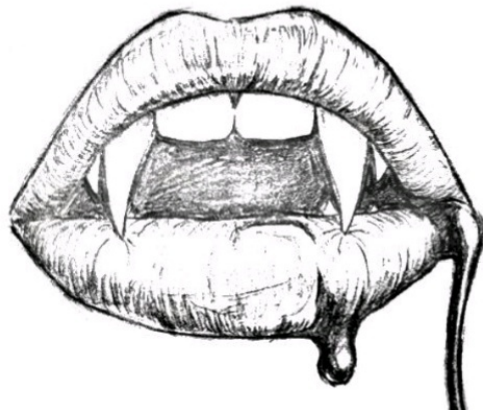
© Автор, 2026

Содержание

) Сюжет (5
Плей лист	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	49
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вне ритма смерти

Сюжет

В тексте вас ждут:

- ❁ Дерзкая и сильная героиня.
- ★ Противостояние характеров и троп «от ненависти до любви».
- ✱ Опасный Охотник, который не привык проигрывать.
- ◇ Атмосфера темного фэнтези и накал страстей.
- ▲ Любовный треугольник.
- ♥ Интимные сцены.

Плей лист

- ♪ Shameless – Camila Cabello
- ♪ WRONG – Chris Grey
- ♪ Breathing My Last – Obsidian Swing
- ♪ Circle of ash – ÉTHER DARK MOTIVATION
- ♪ Burn Me Beautiful – Shadow Beloved
- ♪ Dark_sillo_vender - Пустота в нутри
- ♪ Me and the devil - Soap&skin
- ♪ After dark - Mr.kitty
- ♪ Live forever - Cat pierce

Пролог

Я не боролась с темнотой. Я приняла её как высшую награду, как единственный честный финал за всё, что мне пришлось пережить. Тот последний выдох был самым сладким в моей жизни – моментом абсолютного, заслуженного покоя. Но у мироздания на мой счет оказались садистские планы.

Меня выдернули из небытия, словно сломанную куклу, и заперли в чужой, ледяной плоти. Вместо души в моей груди теперь – оглушительная, мертвая тишина. Вакуум, который не заполнить ни криком, ни слезами. Я не просила об этом «подарке», но раз я снова здесь, правила буду диктовать я. Эта жизнь – моя. И право на финал тоже решаю я.

Я бродила среди живых бесцельной тенью, пока не встретила его. **Мой Охотник.**

От него пахнет оружейным маслом, старой кожей и неизбежностью. Он – идеальный палач, чья цель – стереть такие «ошибки» природы, как я, и вернуть их в уютную могильную пыль. Я предложила ему сделку, от которой невозможно отказаться: я помогу ему выжечь вампирское гнездо, разрушившее мою судьбу, а он – подарит мне пулю в сердце. Честный обмен. Кровь за покой.

Но я не учла одного. Чем чаще я вижу его отражение в прицеле, чем ближе подхожу к краю, тем громче в моей пустоте оживает забытый ритм. Мое замерзшее сердце решило ожить в самый неподходящий момент. Оно бьется ради того, кто обязан его остановить. И этот стук пугает меня сильнее, чем вечная тьма.

Раньше всё было просто: пуля, тишина, забвение. Но теперь, глядя в его глаза, я впервые чувствую страх. Страх того, что мой идеальный план на смерть даст осечку.

Глава 1

Замок Пан-Эритрón

Склеп дышал могильным холодом, а воздух, пропитанный ароматом застарелой крови и жжёной полыни. В центре зала, на истерзанном временем обсидиановом алтаре, покоилось тело молодой девушки. Лицо её было безмятежным, кожа – алебастровой с небольшой россыпью веснушек на лице, а тонкие пальцы застыли в последнем, неоконченном жесте.

– Изанис ... – голос Эреша дрогнул, сорвавшись на хриплый шепот. Он не решался коснуться ледяного камня. – Ты уверен, что мы имеем право прерывать её покой? Уверен, что *это* – именно то, чего она хотела бы?

Изанис даже не повернул головы. Его руки, испачканные в ритуальной саже, уверенно чертили на полу знаки, которые не должен знать ни один смертный.

– Замолчи, Эреш, – отрезал он, и в его голосе лязгнула сталь. – Твои сомнения сбивают ритм заклятия. Каждое твоё слово – лишняя трещина в круге.

– Я просто не думаю, что она будет рада возвращению, – Эреш бросил быстрый, полный ужаса взгляд на неподвижное тело. – И сосуд ... Ты уверен, что эта плоть выдержит её мощь? Они лишь отдаленно похожи. Она проснется в чужом доме.

Изанис наконец выпрямился, и в его глазах вспыхнул багровый отсвет ритуальных огней.

– Идеальных совпадений не бывает спустя столетия, – прошепел он глядя на девушку, её чёрные волосы, бледное худое лицо. – Эта девка уже была во власти смерти, когда мы её нашли. Ушла тихо, без боли, без насилия – именно так, как требует обряд. Её жизнь просто вытекла, оставив место для той, чьё имя мир забыл слишком рано. Нам нужно мёртвое тело, но чистая душа.

Он снова склонился над алтарём, прижимая ладонь к груди покойницы.

– Хватит терзаться милосердием, Эреш. Просто выполняй то, что должен. Мы возвращаем не человека. Мы возвращаем твою сестру.

– Зачем, Изанис? Зачем ты на самом деле это делаешь? – Эреш не унимался, его голос метался под сводами склепа, как загнанная птица. – Что, если она проснётся и первой её мыслью будет оторвать нам головы? Прошло четыре с половиной столетия! Она уже не та женщина, которую ты помнишь. Смерть меняет всё ... а такая долгая смерть превращает душу в лёд.

Изанис резко обернулся. Ритуальный нож в его руке дрогнул, отразив холодный свет факелов. Его лицо, обычно бесстрастное, исказила гримаса ярости и отчаяния.

– Слушай меня! – взвинтился он, и его голос сорвался на хрип. – Я просто хочу вернуть её, ясно?! Мне плевать на риск, плевать на века и на то, кем она стала. Я люблю её. Каждая секунда без неё была для меня медленным гниением.

Эреш на мгновение замолчал, глядя на друга с горьким сочувствием. Он сделал шаг вперёд, вплотную к границе кровавого круга.

– Ты любишь её, – тихо, почти шепотом повторил он. – Но вот в чём главный вопрос, Изанис ... Любит ли она тебя? Или ты просто возвращаешь к жизни своего будущего палача?

Изанис оставил вопрос без ответа – тишина в склепе стала тяжёлой, как могильная плита. Он лишь сильнее сжал костяную рукоять ритуального кинжала, чувствуя, как его собственные пальцы немеют от холода, исходящего от обсидиана.

Его взгляд был прикован к алтарю. Там, в неверном свете догорающих факелов, покоилось хрупкое, едва остывшее тело – пустой сосуд, предназначенный для величайшей из теней. В этом бледном лице не было ничего от той силой и нежной девушки, которую он помнил, но сейчас это не имело значения.

Изанис сделал шаг вперед, переступая черту, за которой заканчивался разум и начиналось безумие. Он знал: то, что он собирается сделать, навсегда изменит порядок вещей. Он не просто возвращал возлюбленную – он впускал в этот мир древнюю бурю, для которой нынешняя плоть была лишь временным домом, тесной и неудобной клеткой.

– Грядет великая жажда, – прошептал он, занося лезвие над ладонью, чтобы скрепить сделку с бездной. – И я стану первым, кто напоит её.

Острая сталь с тихим шипением рассекла кожу, и тёмные капли его крови упали прямо на безжизненные губы девушки.

– Твое время ещё не вышло, – прошептал он, и этот шёпот прозвучал как приговор.

Воздух в склепе внезапно загустел, превращаясь в ледяной кисель. Свет факелов съёжился, уступая место первобытной тьме, которая поползла из углов к алтарю. Эреш отпрянул, чувствуя, как тёмные волосы на затылке встают дыбом от мощи, которую они пробудили. Это была не просто магия – это было насилие над самой природой.

Тело на алтаре выгнулось дугой. Кости хрустнули в гробовой тишине, словно дерево под напором бури. Чужая плоть сопротивлялась, не желая принимать в себя вековую ярость древней сущности.

– Изи ... – выдохнул Изанис, подаваясь вперёд. – Вернись ко мне.

В этот миг всё замерло. Пульсация ритуальных кругов прекратилась, тьма всосалась в грудную клетку покойницы. Секунда, две, три ... Гулкая тишина давила на барабанные перепонки.

А затем девушка резко распахнула свои глаза.

В них не было ни человеческой теплоты, ни узнавания, ни той любви, ради которой Изанис рискнул всем. Только бесконечный, бездонный мрак и холодная, кристально чистая жажда. Она не сделала вдоха – мёртвому телу он был не нужен. Она просто смотрела на Изаниса, и в этом взгляде читался лишь один вопрос:

«Зачем ты посмел меня разбудить?»

– Изи?.. – выдохнул Изанис, сокращая последние дюймы расстояния. Его голос, обычно холодный и властный, сейчас дрожал от безумной, почти человеческой надежды. Он потянулся к её лицу, мечтая вновь ощутить ту, что век была лишь горьким воспоминанием.

Ответ был мгновенным и страшным.

Её пальцы – ледяные, тонкие, но обладающие силой – метнулись вверх, словно стальной капкан. Она вцепилась в его горло мёртвой хваткой, лишая даже такого опытного вампира, как он, возможности отпрянуть. Прежде чем Изанис успел осознать, Изи рывком притянула его к себе. Клыки, острые, как хирургическая сталь, с влажным, торжествующим хрустом вошли в его плоть.

Изанис вскрикнул. Его руки судорожно уперлись в край обсидианового алтаря, пальцы скребли по камню, оставляя на нем глубокие кровавые борозды. Его лицо, не знавшее страха перед смертью, исказила гримаса боли. Вампириша не просто пила – она властно, с жадностью истинного монарха высасывала из него саму суть, восполняя пустоты, концентрированной кровью. Каждый глоток отзывался в его бессмертном теле ледяным онемением, опустошая сосуды, которые не могла забрать обычная смерть.

А затем, так же внезапно, как напала, она разжала пальцы. С утробным, хищным рычанием Изи с невероятной силой отшвырнула его от себя, словно надоевшую куклу.

Изанис пролетел несколько метров и со стоном приземлился на спину, вылетев далеко за пределы защитного магического круга. Пыль поднялась в воздух, забивая ему горло. Он лежал, не в силах подняться, судорожно прижимая ладонь к растерзанной шее, и сквозь жёлтую пелену в глазах видел, как фигура на алтаре медленно, с убийственной грацией принимает вертикальное положение.

– Изи?.. – осторожно позвал Эреш. Он замер в тени колонн, не решаясь сделать и шага к алтарю. Его голос дрожал, пропитанный страхом и сомнением. – Изи, ты ... ты помнишь меня?

Она медленно повернула голову. Её движения были пугающе плавными, лишенными инерции живого существа.

– Конечно, помню. Что за дурь ты спрашиваешь? – отмахнулась она. Голос звучал резко, как хруст ломающегося льда.

В этом ответе не было ни капли прежней мягкости, ни тени той нежности, которой она славилась до своей гибели. Эреш с ужасом осознал: перед ними стояла не та Изи, которую он знал. Прежняя прошлой была обычным вампиром – она смеялась, капризничала, в её жестах и взгляде ещё теплились человеческие повадки, связывавшие её с миром смертных.

А теперь ...

Теперь перед ними застыло нечто иное. Совершенное. Опасное.

Эреш, обладавший обостренным чутьем, замер от внезапного осознания: в её груди царил абсолютная тишина. Раньше, несмотря на их природу, в ней чувствовался отголосок жизни. Сейчас же там не было ничего. Её сердце не просто замерло – оно превратилось в холодный камень. Оно молчало. Его больше не существовало.

Изанис тяжело поднялся на ноги, его звуки были хриплыми, а разорванная плоть на шее уже начала медленно затягиваться, оставляя лишь багровые полосы.

– Любимая?.. – прошептал он, игнорируя жгучую боль и страх в глазах Эреша. – Изи... Как ты себя чувствуешь?

Он сделал осторожный шаг вперед, протягивая к ней дрожащую ладонь, словно пытался приручить дикого зверя. Но Изи не была зверем. Она была стихией.

Она подскочила с алтаря так резко, что воздух свистнул, разрезанный её движением. В один неуловимый миг, используя всю мощь древней крови, она оказалась вплотную к нему. Её пальцы снова сомкнулись на его горле, но на этот раз хватка была не голодной, а карающей. Она прижала его к каменной колонне с такой силой, что по породе побежали трещины.

– Изанис ... – её голос сорвался на ледяной рокот, от которого пламя факелов пригнулось к земле. – Что ты сделал? Что ты натворил?!

Она повысила голос, и этот звук ударил по барабанным перепонкам Эреша, заставляя того вжаться в стену. В её глазах, лишенных искры жизни, полыхнуло яростное, холодное пламя.

– Как ты вообще посмел коснуться моей тишины? Как ты посмел вырвать меня из покоя, который поглотил меня ценой своей смерти?! – Она встряхнула его, как тряпичную куклу, и её лицо оказалось в сантиметре от его. – Ты вернул меня в этот мир, Изанис. Но ты забыл спросить, хотела ли я возвращаться.

Она смотрела на него, и в этой бездонной пустоте её глаз Изанис впервые не увидел своего отражения.

– Милая? – Изанис судорожно вдохнул, пытаясь поймать её взгляд, найти в этой бездне хоть искру прежней страсти. – Я не мог без тебя жить, Изи ... Вспомни! Вспомни, как нам было хорошо. Ты любила меня всем сердцем. Ты обещала ... обещала стать моей женой перед тем, как тьма забрала тебя!

Изи на мгновение замерла. Её хватка на его горле не ослабла, но пальцы перестали дробить кость. Она смотрела на него так, словно изучала диковинное насекомое, которое внезапно заговорило на забытом языке.

Изи судорожно прижала ладонь к груди, сминая ткань платья. Она замерла, вслушиваясь в саму себя с пугающей сосредоточенностью. Прошла секунда, другая, вечность ... но внутри не отозвалось ничего. Ни единого толчка, ни слабого эха жизни.

– Я мертва, Изанис ... – её голос, только что гремевший сталью, внезапно надломился и стал похож на шелест сухих листьев. Она посмотрела на свои бледные ладони так, будто видела их впервые. – Я всё ещё мертва. Что ты со мной сделал?

Она подняла на него глаза, и в них ярость сменилась ледяным, парализующим испугом. Это был страх существа, которое застряло между мирами, не принадлежа ни свету, ни тьме.

– Кто я, Изанис?! – закричала она, и этот крик, полный отчаяния, ударился о холодные своды склепа. – Я не чувствую его! Своего сердца ... Его нет! Ты вернул меня в это тело, но ты не вернул меня к жизни!

Она начала пятиться от него, спотыкаясь о камни ритуального круга. Изанис сделал шаг навстречу, пытаясь поймать её за плечи, но она отпрянула, как от прокаженного.

– Мы вампиры, Изи. Мы и так мертвы, – Изанис говорил вкрадчиво, почти нежно, делая осторожный шаг вперед. Он пытался вернуть её в реальность, которую они делили. – Это наша природа. Тишина в груди – это цена твоей жизни.

– Моё сердце ... оно билось, – её голос, надтреснутый и слабый, эхом отразился от влажных стен склепа, прежде чем окрепнуть от подступающей ярости. – Я знаю, кто мы, Изанис! Не смей читать мне проповеди о нашей «природе»! Оно билось ... Я могла чувствовать. Я помню вкус тепла, я помню, как кровь жгла вены не от голода, а от радости. Я ... я любила.

Она резко вскинула голову, и в её глазах, расширенных от боли, сверкнула опасная сталь. В одно мгновение она снова оказалась рядом, её пальцы вонзились в его шею, сминая воротник и кожу.

– А сейчас?.. – прошипела она ему прямо в губы. – Сейчас я смотрю на тебя и вижу лишь кусок старого, холодного мяса. Я не чувствую ничего... Совсем ничего! Пусто. Здесь, – она с силой ударила его свободной рукой в грудь, – и везде.

Изи впилась в губы Изаниса яростным, сокрушительным поцелуем. В этом жесте было всё: вековая жажда, гнев, мольба и требование. Изанис на мгновение опешил, его глаза расширились от внезапного триумфа – он решил, что победил, что память плоти оказалась сильнее холода смерти. Он уже потянулся к ней, готовый ответить с той же всепоглощающей страстью, его руки почти коснулись её плеч...

Но в следующую секунду Изи с силой, на которую способен только пробужденный монстр, отшвырнула его от себя.

Изанис с глухим ударом врезался в каменную стену, выбивая крошку из древней кладки. Он сполз на пол, и поднял на неё непонимающий, полный боли взгляд.

– Нет... – выдохнула она, вытирая губы тыльной стороной ладони, словно смывая скверну. – Изанис...

Её голос дрожал, но в нём больше не было ярости.

– Пусто. Я не чувствую твоего тепла, потому что его нет. Я не чувствую своей любви, потому что ты её выжег этим обрядом. Верни всё как было ... – Изи повернулась к Эрешу, и в её голосе впервые прозвучала не ярость, а отчаянная, почти детская мольба. Она протянула к нему руки, словно надеялась, что он сможет одним движением повернуть время вспять. – Прекрати это, Эреш. Убей меня. Верни мне мою тишину!

Но Эреш лишь медленно покачал головой, отступая глубже в тень колонн. Его лицо было бледнее, чем обычно, а в глазах застыл немой ужас перед тем, что они сотворили.

– Я не знаю как, сестра... – его голос сорвался на хрип. – Ты... теперь ты другая. Магия, которую использовал Изанис... она сплела твою суть с этим телом слишком крепко. Старые способы больше не сработают. Тебя нельзя убить так, как раньше. Ни колом, ни солнцем, ни сталью.

– Что?! – Изи вытаращила глаза, и в их глубине вспыхнуло безумие. Она схватила себя за плечи, будто пытаясь выбраться из собственной кожи. – Вы что, издеваетесь надо мной?! Вы сделали меня окончательно бессмертной, чтобы я томилась здесь веками? Чтобы я гнила заживо в этой пустоте, ничего не чувствуя?!

– Так не должно было быть, милая... – подал голос Изанис. В его тоне сквозила растерянность, граничащая с ужасом. – Я не понимаю...

– Замолчи! – прошипела она, обрывая его на полуслове.

Изи резко обернулась к алтарю. Её взгляд упал на ритуальный нож, всё ещё лежащий в крови. Одним молниеносным движением она схватила холодную рукоять и, не колеблясь ни секунды, с силой вонзила лезвие себе прямо в сердце.

Изанис и Эреш вскрикнули, но Изи даже не вздрогнула. Она замерла, ожидая спасительной тьмы, но вместо конца почувствовала лишь укол лёгкой, почти призрачной боли – не сильнее, чем от царапины шипом розы.

– Да чтоб вас... – выдохнула она, с овращением отбрасывая нож в сторону. Сталь со звоном ударилась о камни.

Изи начала лихорадочно осматривать своё новое тело. На ней была простая, грубая одежда сельской девчонки: поношенная юбка и льняная рубаша, пахнувшая сеном и пылью дорог. У неё были густые угольно-черные волосы, рассыпавшиеся по плечам и доходившие до лопаток, и худощавая, почти хрупкая фигура, которая, однако, скрывала в себе пугающую мощь. Единственным, что казалось неуместным в этом облике изможденной бедняжки, была пышная грудь, тяжело вздымавшаяся от ярости, а не от дыхания.

– Сколько мне лет? – Изи медленно повернулась к Эрешу. Она разглаживала грубую ткань чужой юбки, словно пыталась содрать её вместе с кожей.

– Твоей душе – пятьсот лет, – Эреш сглотнул, не отрывая взгляда от её бледного лица. – А этому телу... Человеческий возраст замер на двадцати.

– Что?! – Изи вскинула брови, и в её глазах вспыхнул опасный огонек. – Вы убили совсем юную девушку ради меня? Вы вырвали жизнь из того, кто еще даже не начал дышать по-настоящему?

– Нет, Изи! – Изанис поспешно подался вперед, пытаясь оправдаться. – Она умерла сама. Клянусь! Того требовал обряд: нам нужен был сосуд, который не осквернен насильем. Невинная девушка, чья нить жизни оборвалась естественным путем. Чахотка или слабое сердце – оно просто остановилось, а мы... мы подхватили её в тени.

Изи замерла. Она посмотрела на свои тонкие девичьи запястья, на чистую кожу, не знавшую ни грубых мужских рук, ни тяжести лет. На её губах заиграла странная, пугающая усмешка.

– Хочешь сказать... – она медленно перевела взгляд с Изаниса на Эреша, и её голос опустился до вкрадчивого шепота. – Хочешь сказать, что я снова девственница? Вот же смех и только... – Изи покачала головой, и её черные волосы рассыпались по плечам. – Вампир-девственница. Сценарий для плохой комедии, если бы за него не заплатили чужой жизнью.

Она резко развернулась к Изанису. В её глазах, принадлежащих существу с немалым опытом, застыл холодный, расчетливый блеск.

– Для чего ты воскресил меня на самом деле? – её голос ударил под своды склепа. – Должна быть веская причина, Изанис. Чтобы создать *такое*, – она обвела рукой свое новое, неуязвимое тело, – нужно либо быть гением, либо безумцем. Что заставило тебя пойти на этот риск? Надвигается война? Нас истребляют?

Изанис лишь беспомощно пожал плечами. Его лицо, обычно властное, сейчас казалось жалким.

– Я люблю тебя, Изи, – прошептал он, и в этом шепоте было столько же страсти, сколько отчаяния. – Безумно люблю. Я просто не мог позволить тебе исчезнуть.

– И всё? – Изи замерла, её брови поползли вверх. – Любовь? Ты вырвал меня из вечного покоя, только потому, что тебе было скучно в твоей постели?

Изанис сделал шаг к ней, его протянутая рука дрожала, а в глазах плескалась невыносимая надежда, граничащая с безумием.

– Это не так, ты ведь любишь меня, Изи... – его голос сорвался, превратившись в жалобный шепот. – Я думал... я думал, всё будет как раньше. Тот же смех, те же клятвы под луной... Я верил, что любовь сильнее смерти.

Изи замерла, и на мгновение в склепе воцарилась такая тишина, что было слышно, как тлеют факелы. Она посмотрела на его пальцы, почти коснувшиеся её плеча, и медленно перевела взгляд на его лицо.

– «Как раньше»? – эхом отозвалась она, и в этом слове было больше яда, чем в зубах кобры. – Ты думал, что можно склеить разбитое зеркало и увидеть в нем прежнее отражение? Ты эгоист, Изанис. Ты не спасал меня. Ты спасал себя от одиночества.

Она резко оттолкнула его руку.

– Та Изи, которую ты любил, умерла четыреста пятьдесят лет назад. Она осталась в той могиле, из которой ты меня выковырял. А то, что стоит перед тобой сейчас... – она обвела рукой свое новое тело, – это лишь эхо. Холодное, злое и бесконечно пустое. Что мне теперь делать, Изанис? – ее голос дрогнул, в нем прорезались нотки той самой двадцатилетней девушки, чье тело она теперь занимала. – Я не могу чувствовать... и не в силах умереть. Как мне существовать в этой бесконечной, ледяной тишине?

Она сделала шаг к нему, но не с любовью, а с требованием творца отчитаться за свое уродливое творение.

– Ты запер меня в клетке, у которой нет прутьев, только вечность! – вскричала она, вцепляясь в лацканы его дорогого камзола. – Ты думал о своих поцелуях, о своей жажде... но подумал ли ты хоть на миг, чего хочу я? Хочу ли я *дышать* этой пустотой?

Изанис молчал. Его лицо осунулось, став похожим на посмертную маску. Он разомкнул губы, чтобы снова прошептать о любви – той самой, что стала для неё удавкой, – но Изи перебила его горьким, ломаным смехом:

– Ты подарил мне бессмертие, которого я не просила. Ты предал мою любовь и смерть.

Ярость хлынула через край. Одним резким движением она впиалась клыками в его горло, заглушая признание вкусом раскаленной меди. Секунда – и она с животным хрустом оторвала его голову, отшвырнув её прочь, словно ненужную, пустую игрушку.

Эреш застыл, не в силах отвести взгляд от обезглавленного тела Изаниса. Воздух казался густым от запаха крови и оборванного крика. Он перевёл взор на сестру – чужую, пугающую, с багровыми каплями на губах.

– Изи... – только и выдохнул он, и в этом единственном слове было больше боли, чем в самой смерти.

Глава 2

450 лет назад...

В замке Пан-Эритрон время не шло – оно застаивалось, как вода в заброшенном колодце. Древние серые камни, помнившие поступь первых династий, за тысячелетия пропитались таким могильным холодом и тоской, что даже огонь в факелах терял свою силу, превращаясь в безжизненное сизое мерцание.

Семейство Великого Вампира напоминало коллекцию восковых фигур: безупречные, бледные, затянутые в черный шелк.

И вдруг по главному коридору пронесся вихрь, пахнувший морозной мятой и цветущим персиком.

Изи, младшая из дочерей, не шла – она почти летела, едва касаясь носками туфель ледяного пола. На ней было платье цвета утреннего неба, сшитое из тончайшего муслина. Широкий пояс персикового цвета подчеркивал её тонкую талию, а по подолу рассыпались вышитые вручную незабудки.

– Изи, остановись! Ты ослепляешь меня своим видом, – раздался сухой, надтреснутый голос из глубины обеденного зала.

Её старший брат, Эреш, сидел в тени, сжимая в тонких пальцах кубок с густой багровой жидкостью. Его лицо, белое, как надгробная плита, скривилось от досады.

– Эти цвета ... – он указал когтем на её плечо. – Они не для нас. Ты выглядишь так, будто пытаешься выдать себя за живую. Это оскорбление нашей природы. Чёрные волосы и пастельный шелк – это безвкусица, дорогая сестра. Ты похожа на грозное облако, обернутое в сахарную вату.

Изи остановилась, и в её черных волосах дрогнули живые маргаритки, вплетенные в косы. Она обернулась, и Эреш невольно зажмурился. Её желтые глаза не просто светились – они полыхали солнечным огнем, накопленным за день тайного наблюдения за деревенской площадью. В этих глазах не было голода. В них была чистая радость.

– А мне кажется, – Изи звонко рассмеялась, и этот звук заставил старую люстру слабо дзинькнуть, – что этот замок просто завидует моим платьям. Эреш, ты сидишь в этой темноте уже двести лет. Неужели тебе никогда не хотелось узнать, как пахнет солнце?

– Солнце убивает, глупая девчонка, – прошипел брат.

– Солнце греет, – парировала она, поправляя цветок в волосах. – А я хочу греть. Даже если я рождена во тьме, я не обязана быть её частью.

Она сделала изящный пируэт, и её персиковые ленты на мгновение осветили мрачный угол зала, словно короткая вспышка молнии. В этом доме, где каждый гордился своей связью со смертью, Изи была единственной, кто праздновал жизнь. Она была аномалией, ошибкой природы, «дефектом» в идеальной родословной Великого Вампира Морта Весталина.

Но именно за ней, скрываясь в тенях, молчаливо наблюдали старые слуги. Потому что там, где ступала Изи в своих нелепых светлых туфельках, на сером камне стен на мгновение проступал едва заметный розовый румянец.

Изи вышла на балкон, подставив лицо холодному лунному свету, но в её воображении она уже танцевала на деревенском празднике урожая, среди людей, чьи сердца бились так громко и быстро.

Каждое утро для Изи было маленькой трагедией. Когда первые розовые полосы рассвета касались горизонта, её семья с облегчением уходила в глубокие склепы, но Изи задерживалась до последней секунды, пока кожа не начинала неприятно покалывать.

Она ненавидела это вынужденное затворничество. В её комнате скопилась целая коллекция кружевных зонтиков – мятных, персиковых, лавандовых. Но даже самый плотный шелк не давал полной защиты.

– Почему самое прекрасное в мире должно меня убивать? – прошептала она, глядя на спящую внизу деревню.

Там, внизу, люди не ценили своё сокровище. Они ворчали на жару, прятались в тени, не понимая, что владеют величайшей магией – правом ходить под солнцем. Изи же была готова отдать свою вечность за один единственный полдень на городской площади, даже если этот полдень стал бы для неё последним.

Она поправила увядающий цветок в волосах. Ночь была её временем, но её сердце, вопреки природе, билось в ритме солнечного дня.

– Ты ведь понимаешь, Изи, что сегодня выход за пределы замка для тебя закрыт? – низкий, рокошущий голос отца раздался из густой тени прямо за моей спиной, заставив её вздрогнуть.

Она резко обернулась, прижимая ладони к перилам балкона. Её платье колыхнулось, словно испуганная бабочка, на фоне его тяжелого черного плаща.

– Но папа! – в её голосе смешались мольба и упрямство. – Я просто хочу гулять, как все нормальные существа. Почему мне вечно нужно ждать сумерек или грозовых туч? Ты ведь обещал... Ты говорил, что найдешь способ, что алхимия или древняя магия крови помогут мне не бояться дневного света! — она сделала шаг к нему, и её желтые глаза, обычно полные радости, сейчас вспыхнули лихорадочным блеском обиды.

– Почему Изанису можно? – она почти выкрикнула имя своего любимого. – Я видела, как он выходил на террасу сегодня утром, когда солнце уже поднялось над лесом! Он стоял там, и его кожа не дымилась. Если он может бросать вызов свету, почему я должна прятаться в этих склепах, как побитая летучая мышь? Разве я не твоя дочь? Разве во мне течет не та же великая кровь?

Отец медленно вышел на свет луны, и его лицо, застывшее в своей величественной суровости, показалось ей в этот миг каменной маской.

– Изи, душа моя, – голос отца стал мягче, утратив свою привычную сталь, но в нём зазвучала глубокая, вековая печаль. Он подошёл ближе, и его бледная рука коснулась её тёмных волос, задев лепесток цветка. – Я вижу, как ты смотришь на огни в долине. Вижу, что в тебе живёт та же неукротимая жажда жизни, что когда-то вела твою мать. Ты – её отражение, такое же яркое и неуместное в этом царстве теней.

Он тяжело вздохнул, и его взгляд обратился к горизонту, где ночная тьма уже начинала едва заметно сереть.

– Но пойми же: природа – судья суровый, и её законы написаны кровью, а не нашими желаниями. Мы – дети ночи, Изи. Изанису потребовалось больше столетия изнурительных тренировок и древних ритуалов причащения к свету, чтобы его плоть не превращалась в пепел мгновенно. И даже он, при всей своей силе, не может выдержать ярости солнца дольше десяти минут. Десять минут – это всё, что отделяет его от вечного забвения.

Отец заглянул ей прямо в глаза, и в его зрачках отразилось собственное отчаяние.

– Мы не можем жить наравне с людьми, как бы сильно ты ни наряжалась в их цвета. Для них солнце – колыбель, для нас – костёр. Попытаться стать частью их мира – значит добровольно войти в пламя. Я не для того хранил тебя все эти годы, чтобы однажды найти на этом балконе лишь горстку серой пыли и обрывки персикового шелка.

Изи закусила губу, чувствуя, как внутри закипает протест.

– Но если Изанис смог выторговать у солнца десять минут, значит, и я смогу! – она отступила на шаг, и жёлтые глаза сверкнули упрямым огнём. – Я не хочу просто выживать в подвалах, папа. Если цена за один час настоящей жизни – столетие боли, я готова её заплатить.

Голос отца дрогнул, и в этом звуке, обычно твердом, как гранит, послышался хруст старой боли. Он подошел вплотную, и она увидела, как в его глазах, повидавших века войн, отразилось пламя свечей – не хищное, а скорбное.

– Я попробую, Изи, – тихо произнес он, и его тяжелая ладонь почти невесомо коснулась её щеки. – Клянусь кровью предков, я найду этот путь, даже если мне придется перевернуть небеса. Но это будет мучительно и долго.

Он на мгновение замолчал, глядя в ночную даль, где внизу, в долине, мерцали огни человеческих хижин.

– Ты видишь в них только радость, танцы и светлые наряды. Но помни: как бы мирно мы ни пытались сосуществовать с людьми, среди них всегда найдутся те, кто видит в нашей силе проклятие, а в нашем бессмертии – вызов богам. Они боятся того, чего не понимают, а страх рождает ненависть.

Отец горько усмехнулся, и эта гримаса исказила его благородное лицо.

– Я потерял твою мать, когда ты едва издала свой первый крик. В ту ночь рассвет был алым не от солнца, а от огня факелов разъяренной толпы. Я смог вырвать тебя из когтей смерти, смог укрыть за этими стенами, но её... её я не успел спасти. Слишком поздно я понял, что даже самое доброе сердце не защитит от серебряного клинка в руках того, кто верит, что творит правосудие.

Он крепко сжал мои плечи, заставляя смотреть прямо в его уставшие глаза.

– Ты – мой единственный луч света в этой бесконечной ночи, Изи. Ты носишь её жизнелюбие. Потерять тебя – значит для меня навсегда остаться во тьме, из которой нет возврата. Пойми: мой запрет – это не клетка. Это щит.

Я почувствовала, как по моей щеке скатилась холодная слеза, и на мгновение моё яркое платье показалось мне слишком тяжелым от груза этой правды.

Изанис зашел в библиотеку бесшумно, как ложится тень на старый пергамент, но Изи почувствовала его присутствие по едва уловимому запаху морозного кедра. Он нашел её в самом дальнем углу, заваленную пожелтевшими свитками и фолиантами, чьи названия давно стерлись от времени.

– Вот ты где, маленькая фиалка, – негромко произнес он.

Изанис опустился на край дубового стола рядом со ней. Его белые волосы, прямые и холодные, как горный лед, рассыпались по плечам, контрастируя с темным камзолом. Он бережно заправил выбившуюся угольно-черную прядь ей за ухо и мягко коснулся губами щеки.

Изи подняла голову и улыбнулась. Изанис был её идеалом. В отличие от старших братьев, в которых застыла вековая жестокость, в нем жила какая-то благородная мягкость. Его желтые глаза, такие же яркие, как и её, светились чистым янтарем. Они оба знали секрет этого цвета: отказ от человеческой крови в пользу животной сделал взор живым, лишив его красного блеска хищников. Он был высок, статен и казался высеченным из самого дорогого светлого мрамора.

– Привет, – выдохнула она, закрывая книгу, где на полях были нарисованы странные руны, похожие на лучи.

Изи не стала ждать его расспросов. Изанис всегда видел её насквозь.

– Я хочу выйти на солнце, – твердо сказала она, глядя прямо в его золотистые глаза. – По-настоящему. Не на десять минут, как ты, а так, чтобы почувствовать, как оно согревает кожу, а не превращает её в уголь. Я хочу прожить хотя бы один день так, как жила бы мама.

Изанис на мгновение замер. Его улыбка погасла, а взгляд стал серьезным и глубоким. Он долго изучал её лицо, будто искал в нем тень сомнения.

– Ты действительно в этом уверена, фиалка? – его голос стал непривычно низким. – Это не просто прогулка. Это тяжелое, изнурительное испытание, которое ломает волю. Свет будет пытаться выпить твою жизнь через каждую пору, а магия, удерживающая нас в этом мире, начнет рвать тебя изнутри.

Он накрыл её ладонь своей – холодной, но надежной.

– Ты готова пройти через эту боль ради нескольких часов в лучах, которые нас ненавидят?

– Мне это важно, понимаешь? – её голос сорвался на шепот, и она прижала ладонь к груди, прямо там, где под слоями шелка затаилось странное, непокорное сердце. – Я не знаю, как это объяснить, но здесь... здесь всё трепещет, стоит мне увидеть из окна полоску дневного света.

Изи обвела рукой пыльные стеллажи библиотеки, которые казались сейчас клеткой.

– Там, за стенами, жизнь по-настоящему *живет*. Люди смеются на ярмарках, актеры разыгрывают комедии на площадях, повсюду музыка и шум... А что ночью? Ночью вся жизнь замирает. Города спят, цветы закрывают бутоны. Мир погружается в тишину, похожую на саван. А я хочу жить, Изанис! Чувствовать ритм этого дня, а не просто дожидаться его заката.

Изанис смотрел на неё с такой нежностью, что ей на миг показалось – его ледяная кожа потеплела.

– Понимаю, любимая, – отозвался он, и в его словах не было ни капли осуждения. – Я всё понимаю.

Он бережно накрыл её ладонь своей.

– Я ведь и полюбил тебя именно за это. За твою непохожесть на остальных, за этот свет, который ты носишь внутри. Мы с тобой вместе уже десять лет, и за это время я научился читать твои желания раньше, чем ты их произносишь. Но пойми и мой страх.

Его желтые глаза потемнели, в них отразилась тревога веков.

– Солнце – не единственная опасность. Помимо мирных лавочников и актеров, по тем же улицам ходят охотники. Те, кто веками оттачивал мастерство убивать нас. Они не видят в тебе девушку в светлом платье, Изи. Для них ты – трофей, порождение тьмы, которое нужно искоренить. Они не смирились и никогда не смирятся.

– Но почему? – она с недоумением посмотрела на него, и в глазах отразилось искреннее непонимание. – Мы ведь подписали мирный договор столько лет назад! Мы не трогаем людей, ушли в тень, живем вдаль от их поселений и не пролили ни единой капли их крови. Напротив, мы помогаем им! А наша кровь? Ты же сам знаешь, что алхимики и лекари покупают её за золото, чтобы исцелять безнадежных больных. Мы для них – спасение, а не угроза.

Изи замолчала, ожидая логичного ответа, но Изанис лишь тяжело вздохнул.

– Я не знаю, фиалка, – он нежно провел большим пальцем по её бледной щеке, и его взгляд стал бесконечно усталым. – Охотников слишком много. Старые кланы помнят уговор и чтят закон, они нас не трогают. Но новое поколение ... они молоды, горячи и еще не обучены традициям. Им не нужны договоры, им нужны подвиги.

Он замолчал на мгновение, и тень старой боли промелькнула в его янтарных глазах.

– Всего двадцать лет назад они убили одного из наших. Просто так, в лесу. И только потому, что они даже не слышали о мире между нашими расами. Они увидели клыки и нанесли удар. Я не могу и не хочу тобой так рисковать, Изи. Твоя жизнь для меня дороже любого солнечного дня.

Он взял её ладони в свои и заставил посмотреть ему прямо в глаза.

– Пообещай мне одну вещь. Если ты всё-таки найдешь этот способ, если твои поиски в этих книгах увенчаются успехом ... мы пойдем туда вместе. Ты не сделаешь ни шага за ворота замка без меня. Обещаешь?

– Конечно, обещаю, – прошептала она, подаваясь вперед, пока их дыхания не смешались. Её губы коснулись его – прохладных, но таких знакомых и родных. В этом поцелуе была вся благодарность за его терпение и страх потерять ту единственную искру тепла, что еще теплилась в этом замке.

– Я люблю тебя, Изи, – его голос прозвучал глухо, почти болезненно, будто это признание было его единственным якорем в бесконечном океане вечности.

Она лишь молча прижалась к его широкой груди, зажмурившись. Под тонкой тканью его камзола она чувствовала монументальное спокойствие. Изи вдыхала его любимый аромат морозного кедра – запах зимнего леса и чистого снега, который всегда успокаивал её мятежную душу.

Встречи с Изанисом всегда напоминали тихую гавань в океане холодного камня. Они проводили часы напролет в её спальне, где тяжелые балдахины отгораживали от остального мира. Вампиры не знают физической усталости, поэтому каждая минута, когда он был свободен от дел отца, превращалась в бесконечный танец нежности. Изанис много работал, помогая Великому Вампиру управлять их землями, и Изи ценила каждое мгновение, когда могла просто чувствовать его рядом.

Лёжа на его обнажённой груди, она лениво водила пальцем по его бледной, гладкой коже, прослеживая линии, которые знала уже наизусть. В комнате пахло морозным кедром и её засушенными цветами.

– Знаешь... Я хочу, чтобы у нас всё было, как у людей, – она резко приподнялась на локтях, заглядывая в его янтарные глаза.

– О чём это ты, маленькая мечтательница? – он переплел свои пальцы с её, заинтересованно приподняв бровь.

– Я хочу настоящую свадьбу, Изанис. Я знаю, у нашего рода есть свои обряды, но я не хочу стоять в сыром, темном подвале, окруженная запахом горьких трав и старой пыли. Я не хочу этого мрачного ритуала, где мы просто испиваем кровь друг друга из чаши под зачумленные молитвы старейшин. Я хочу клятвы перед небом, обмен кольцами, торжество и музыку! Я хочу белое платье, а не черный саван.

Изанис мягко улыбнулся, притягивая её ближе, но в его взгляде проскользнула тень сомнения.

– Я думаю, мы сможем решить этот вопрос, Изи. Мы устроим праздник, который затмит солнце. Но... ты ведь не забыла главное правило отца? – он осторожно коснулся моего носа. – Он не позволит мне официально сделать тебя своей женой, пока тебе не исполнится пятьдесят. По меркам нашего бессмертия ты всё ещё считаешься дитя.

– Но мне ведь уже в этом году... – начала она с лукавой улыбкой.

– Верно, – усмехнулся он, прижимая её к себе сильнее. – В этом году тебе исполняется пятьдесят. Поразительно, как быстро летит время, когда рядом с тобой такое яркое создание. Значит, скоро у отца не останется оправданий, чтобы удерживать тебя в девках.

Изи зарылась лицом в его шею, вдыхая любимый аромат. Пятьдесят лет – для людей это целая жизнь, а для нас – лишь миг, после которого она наконец-то сможет принадлежать ему не только в тени этой комнаты, но и перед всем миром.

Изм смотрела в потолок, на котором тени от канделябров сплетались в причудливые узоры, и рисовала в воображении их бесконечную жизнь. Вечность с Изанисом казалась ей самым прекрасным даром, но в этой сказке была одна темная глава: у них никогда не будет детей так, как это бывает у людей. Они не могли зачать жизнь в тепле и трепете человеческой плоти. Их путь был иным – древним и пугающим. Чтобы в замке зазвучал детский смех, им пришлось бы совершить ритуал возрождения, буквально сотворив новое существо из слияния крови и магии предков.

По человеческим меркам Изи скоро должно было исполниться двадцать – время, когда девушки в деревне внизу уже давно надели венчальные венки и создали семьи. Но для вампирского рода она всё ещё считалась едва оперившимся птенцом. Большинство вампиров тянут столетиями, прежде чем решиться связать себя узами брака, проверяя чувства веками холода и скуки.

Но она... она была другой. Её кровь кипела, а не текла ленивым ручьем.

– Я не хочу ждать сотни лет, Изанис, – прошептала она, приподнимаясь и заглядывая в его золотые глаза, в которых отражалось всё нетерпение. – Зачем нам эти пустые столетия ожидания? Я уверена в себе, я чувствую каждое твое движение души так, будто оно моё собственное. Я хочу стать твоей женой сейчас, пока огонь во мне горит так ярко.

Изи знала, что по их законам пятьдесят лет – это лишь порог зрелости, когда отец официально признает её право на выбор. И этот год должен был стать решающим.

– Ты ведь тоже чувствуешь это? – она провела ладонью по его щеке. – Что мы не такие, как тени в тронном зале? Нам не нужно время, чтобы проверить любовь. Нам нужно время, чтобы ею насладиться.

Изанис перехватил её руку и нежно поцеловал ладонь, не сводя со своей фиалки серьезного, почти благоговейного взгляда. Он понимал, что за её жадной свадьбой стоит не просто каприз, а желание окончательно закрепить союз перед лицом наступающей вечности.

– Конечно, не нужно ждать веками, Изи, – прошептал он, притягивая её к себе так близко, что она чувствовала прохладу его кожи. – Давай простождемся твоего дня рождения, хорошо? Всего несколько месяцев – и ты официально переступишь порог зрелости.

Изи лишь счастливо кивнула и ответила ему долгим поцелуем, запечатывая это обещание.

Прошло три месяца. И вот, невероятное свершилось: они с Изанисом стояли рука об руку в самом центре шумной, пестрой ярмарки. Изи задрала голову вверх, щурясь от ослепительного, настоящего солнца, и не могла наглядеться на его золотое сияние. Благодаря эликсиру её кожа не дымилась, она лишь впитывала это неведомое ранее тепло.

– У нас и правда получилось... – выдохнула она, глядя на него с восторгом.

– Да, это просто невероятно, – отозвался Изанис. В его голосе слышалось легкое замешательство от новых ощущений. – Так странно чувствовать это тепло кожей, а не просто видеть его со стороны.

Весь день они прожили как обычные люди. Они смешались с толпой, покупали горячую, пахнущую корицей выпечку и ели её прямо на ходу – не ради насыщения, а ради самого вкуса человеческого праздника. Они хохотали над нелепыми куклами в уличном театре, а потом нашли уединенную поляну, скрытую от любопытных глаз ветвями старой плакучей ивы. Там, в густой сочной траве, они просто лежали и смотрели в бесконечную синеву неба.

– Я так счастлива, Изанис... Ты даже не представляешь, как сильно, – прошептала она, чувствуя себя частью этого живого, дышащего мира.

Вдруг он приподнялся и нежно прошептал ей прямо на ухо:

– С днем рождения, любимая.

Он поднялся на ноги и протянул ей руку, помогая встать. Его движения были торжественны и полны трепета. Достав из кармана изящное кольцо, он заглянул в её глаза.

– Я поговорил с твоим отцом. Он дал свое благословение. В замке уже кипит работа – я распорядился подготовить всё так, как ты мечтала. Свадьба будет через три дня. Да, из-за нашей природы её придется провести ночью, чтобы не подвергать риску остальных, но всё – от клятв до цветов – будет по-твоему. Я люблю тебя больше самой вечности... Согласна ли ты стать моей женой навсегда?

– Конечно! Боже, Изанис, конечно, согласна! – она бросилась ему на шею, почти сбивая с ног от нахлынувших чувств. – Я согласна на нашу общую бесконечность!

Он бережно надел кольцо ей на палец и крепко прижал к себе.

Миг, который должен был стать началом их вечности, превратился в ледяной кошмар. Счастье ослепило их: они, дети ночи, привыкшие слышать шорох крыла летучей мыши за версту, пропустили шаги самой смерти.

Охотник возник из тени ивы, словно соткался из ядовитого тумана. Он двигался бесшумно, его движения были отточены годами ненависти. Когда их взгляды встретились, в его глазах не было жалости – только холодный азарт палача. Расстояние в четыре шага он преодолел за мгновение, и в воздухе хищно блеснула сталь освященного кинжала.

Время для Изи замедлилось, став вязким, как древесная смола. Она видела траекторию полета лезвия, направленного точно в спину Изаниса. Её мозг, отравленный радостью и эликсиром солнца, выдал единственно верное решение.

– Я люблю тебя... и дарю тебе эту жизнь, – сорвалось с её губ едва слышным выдохом.

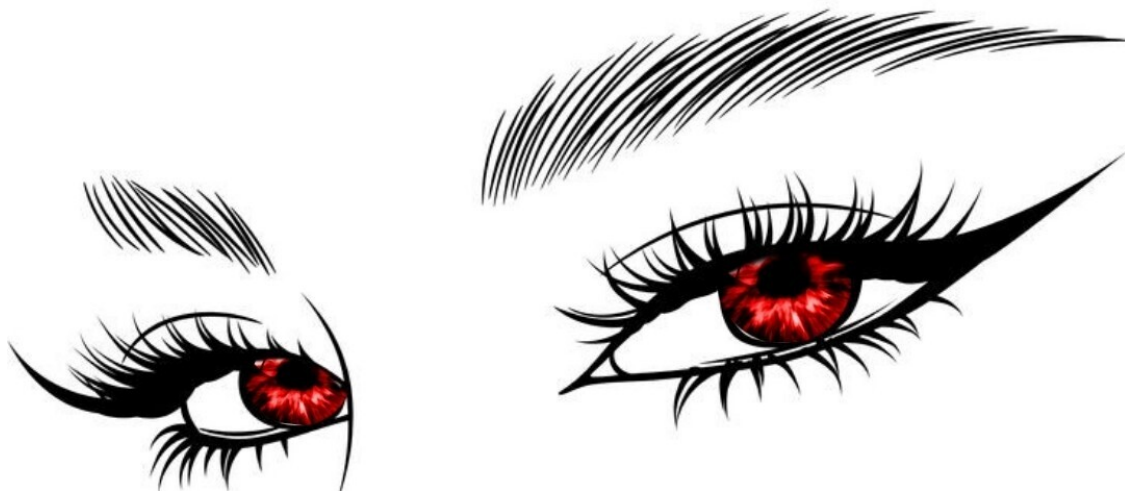
Используя всю вампирскую скорость, на которую только была способна, она рванулась вперед. Её пальцы впились в плечи Изаниса, и резким, отчаянным рывком развернули его в другую сторону, вырывая из-под удара. Она закрыла его собой, как щитом, подставляя свою спину под ледяное лезвие.

Удар был не больно – он был холодным. Острое лезвие вошло точно под лопатку, прошивая ткань и вонзаясь в её живое, трепещущее от счастья сердце.

Мир вокруг начал стремительно терять краски. Яркое солнце, которым она так восхищалась, померкло, превращаясь в тусклое пятно. Кольцо на её пальце в последний раз поймало блик света. Последним, что запечатлело её угасающее сознание, были расширенные от ужаса и неверия янтарные глаза Изаниса. В них отражалась вся боль мира, а его крик, полный отчаяния, стал последним звуком, который она унесла с собой в наступающую тьму.

Колени Изи подогнулись, и она начала падать на ту самую густую зеленую траву, которая еще минуту назад казалась ей самым уютным ложем на свете.

Глава 3

Изи

Атмосфера в тронном зале Пан-Эритрона была пропитана не торжеством, а тяжелым, липким раздражением. Я сидела на массивном троне отца, небрежно свесив ноги с подлокотника – поза, за которую в прошлой жизни меня бы пронзили ледяным взглядом. Но теперь мне было всё равно.

Мой старший брат, Эреш, чей голос обычно напоминал шелест сухих листьев, теперь буквально переходил на крик. Он нарезал круги по залу, и эхо его шагов больно било по моим новым, еще не привыкшим к миру чувствам.

– Брат, у меня уже голова от тебя раскалывается, – я лениво перевела взгляд на потолок, изучая трещины в камне. – Я воскресла всего час назад, а ты всё никак не замолчишь.

– Ты убила его, Изи! Ты... да как ты только смогла?! – Эреш замер, уставившись на меня с ужасом. – А что, если твоё сердце завтра застучит? Что, если это просто замедленное воскрешение? Что ты будешь делать? Вечно жить с этой болью?

Он подошел ближе, его бледное лицо исказилось от гнева и непонимания.

– Он четыре столетия... слышишь? Он не смыкал глаз, он перерыл все запретные архивы, он продал душу древним сущностям, чтобы найти способ вернуть тебя! Ты отдала свою жизнь за него, и он вернул долг. А что сделала ты в первую же минуту? Оторвала ему голову?!

Я резко выпрямилась на троне, и мои новые глаза – холодные, лишённые того солнечного янтарного блеска – сверкнули яростью. Теперь они были красные.

– Да мне плевать, ясно?! – прошипела я, и звук моего голоса показался мне чужим. – Я не просила об этом! Мне было нормально там, во тьме... Никакого солнца, никаких обещаний, никакой боли. Может, я когда-то и любила, но я выбрала смерть, Эреш! Смерть была моим подарком ему и себе!

Я взглянула на свои руки – чужие, непривычно длинные пальцы, лишённые того изящества, к которому я привыкла.

– И вообще... это не моё тело. Почему нельзя было воскресить меня в моём собственном?

– Потому что его нет, ясно?! – Эреш сорвался на хрип. – Отец сжег его в тот же день, когда тебя принесли с поляны.

Я спрыгнула с трона, и мои босые ноги коснулись ледяного мрамора.

– Тогда нужно было смириться, – прошипела я, подходя к брату вплотную. – Нужно было оставить меня в покое.

Я смотрела на Эреша, и в моих новых глазах не было ни капли той прежней нежности.

– Не думаю, что вы спрашивали разрешения у отца, прежде чем вытащить меня из небытия. Не так ли? – мой голос прозвучал как хруст сухого льда.

Эреш замер. Его плечи поникли, и он едва заметно кивнул. Тяжелая тишина повисла в зале, прерываемая только треском факелов.

– И что будет, когда он узнает? – я усмехнулась, и эта гримаса на чужом лице показалась мне отвратительной. – Убьёт меня снова, чтобы исправить вашу ошибку? Или накажет тебя за некромантию?

– Я не знаю, – сухо отозвался брат, отводя взгляд.

– Зато я знаю одно: я хочу пить, ясно?! – я резко встала с трона, чувствуя, как внутри разгорается незнакомый, дикий голод. – Дай мне крови, а не читай нотации!

Эреш исчез в тених коридора и вернулся спустя десять минут, протягивая мне тяжелый кубок. Я жадно припала к нему, сделала огромный глоток и... тут же с омерзением выплюнула всё на зеркальный мрамор пола. Алое пятно расплылось у моих ног, пахнущее чем-то приторным и дешевым.

– Это что еще за дрянь?! – прошипела я, вытирая губы тыльной стороной ладони и продолжая отплевываться.

– Как «что»? Белка. Свежая, – Эреш смотрел на меня с недоумением.

– Издеваешься?! – я почти взвизгнула, и мой голос сорвался на рычание. – Какая, к черту, белка?! Мне нужна нормальная! Это не кровь, а помой!

– Изи, но мы не пьем кровь людей, тебе ли не знать? – брат сделал шаг назад, явно напуганный моей реакцией. – Мы тысячи лет верны договору...

– Мне плевать, ясно?! – я ударила рукой по подлокотнику трона так, что камень треснул. – Я хочу *пить*. По-настоящему. Принеси мне человеческую кровь... Сладкую, горячую, живую. Либо я сейчас сама выйду в деревню и возьму то, что мне причитается. И поверь, я не буду выбирать.

Издевательский тон брата больно полоснул по моим чувствам, но его слова ударили еще сильнее.

– Хочу тебя расстроить, – протянул он, кривя губы. – Деревни больше нет.

У меня внутри всё заледенело. Неужели они вытащили меня в мир, где человечество вымерло, оставив нас наедине с бесконечным голодом?

– Вы что... вернули меня туда, где больше нет людей? – прошептала я, чувствуя, как паника подкатывает к горлу.

– Не совсем так, – Эреш вдруг набрался храбрости и картинно пожал плечами. – Всё гораздо масштабнее. Идем.

Он стальным хватом вцепился в мою руку, и реальность смазалась в сером рывке. Мгновение – и мы оказались на самом высоком балконе замка, откуда когда-то я смотрела на крошечные огоньки факелов.

– Это... это что еще такое? – выдохнула я, вцепившись в холодные перила.

Вместо темной долины были густые кустарники и деревья, в в дали передо мной простилась море из электрического света. Там пульсировал огромный город: в небо вонзались немыслимо высокие каменные башни, улицы светились неонами, а по широким дорогам, извиваясь змеями, двигались странные железные звери.

– Это машины, Изи, – усмехнулся Эреш, наслаждаясь моим шоком. – Их много и они набирают обороты, люди уже всю славят свои механизмы. Это новый век.

Я ошарашенно перевела взгляд с ярких вывесок на брата.

– Ты уверен, что прошло всего четыре столетия, а не тысяча?

– Конечно уверен! Я что, дурак по-твоему? Я считал каждую ночь твоего отсутствия.

Я посмотрела в даль на кипящий муравейник. Там, среди этих огней и шума, текла кровь миллионов. Горячая, молодая, приправленная адреналином новой эпохи. Жажда, которая секунду назад казалась пыткой, превратилась в азарт.

– Это даже лучше, чем деревня, Эреш... – я несильно отпихнула его, чувствуя, как сила нового тела откликается на ритм города. – Думаю, мне будет очень интересно.

Прежде чем он успел вставить хоть слово о правилах или отце, я шагнула за край балкона и растворилась в ночном воздухе, устремляясь навстречу огням мегаполиса.

Город встретил меня электрическим оскалом. Когда я спрыгнула с крыши здания и мягко, по-кошачьи, приземлилась на крышу одного невысокого ларька, воздух ударил в лицо гарью, бензином и озоном. С высоты мегаполис казался огромной раной на теле земли, залитой расплавленным золотом и неоновым ядом. Огромные рекламные щиты размером с крепостную стену транслировали смеющиеся лица людей, чья кожа была неестественно идеальной. Цвета здесь были не пастельными, а агрессивными: кислотно-розовый, ядовито-синий, слепящий белый. Они не ласкали взор, а вгрызались в него. Внизу, в каньонах улиц, ревели «машины» – стальные челноки, чьи фары прорезали тьму, как глаза разъяренных демонов. Гул города был похож на низкое рычание хищника, который никогда не спит.

Я шла по тротуару, и моё новое, чужое тело двигалось с пугающей грацией. Я была тенью в мире софитов.

Меня охватила яростная, жгучая драма несоответствия. Я видела тысячи людей, идущих навстречу, – они были так близко, что слышен шелест их синтетической одежды и писк их гаджетов, но между мной и ними лежала пропасть в четырьсто пятьдесят лет и одну смерть.

Я стояла посреди тротуара, и меня бил мелкий озноб – не от холода, которого больше не чувствовала, а от экзистенциального ужаса. Мир, который я помнила, был неспешным, пахнущим лошадиным навозом, дегтем и печным дымом. Четырьсто пятьдесят лет назад предел мечтаний человека – это быстрый вороной конь или надежная карета.

– Четырьсто пятьдесят... – прошептала я, и голос утонул в реве проносащегося мимо черного глянцевого автомобиля. – Как? Они не смотрят в небо. Они не боятся теней. Они так уверены в своем электрическом бессмертии?

В моей душе боролись два чувства: скорбь по той девочке в цветах, которую сжег отец, и дикое, хищное превосходство. Эти люди казались хрупкими сосудами, наполненными драгоценным теплом. Я видела пульсацию каждой вены на шее случайного прохожего, слышала каждый удар сердца, и этот звук больше не вызывал умиления – только голодный спазм в горле.

Остановившись у витрины модного закрытого бутика, из зеркального стекла на меня смотрела среднего роста, девушка с ледяным взглядом и черными, как смоль длинными, волосами. Никаких ромашек. Никакого румянца. Только бледная маска хищника с веснушками.

Этот момент стал окончательным крахом прошлого. Я замерла перед зеркальной витриной магазина электроники, где десятки экранов транслировали одно и то же лицо, но я видела только свои глаза.

Вместо солнечного янтаря, который когда-то светился радостью и любовью к людям, на меня смотрели два колодца, наполненных жидким алым пламенем. Они не просто отражали свет – они горели собственным, хищным и яростным огнем. Красный цвет, символ всего, что я презирала в своих сородичах, теперь стал моей сутью.

– Что ты со мной сделал, Изанис?... – прошипела я, и голос прозвучал как шелест змеи в сухой траве.

В горле возник не просто голод, а раскаленная пустота. Красные глаза видели мир иначе: всё живое вокруг теперь подсвечивалось мягким розовым сиянием – я видела движение крови в венах прохожих, слышала испуганный ритм их сердец, стоило просто взглянуть в их сторону.

Воспоминания тут же нахлынули, как я с Изанисом гордилась тем, что пьют кровь животных, сохраняя «человеческий» взгляд. Теперь это казалось детской сказкой. Изанис не просто вернул меня – он сломал природу, превратив светлую Изи в первородный кошмар, в машину для убийства, которой плевать на договоры и мораль.

– Твоя смерть была слишком легкой... – когти произвольно полоснули по стеклу витрины, оставляя глубокие борозды. – Оторвать тебе голову было милосердием. Ты заслужил вечности в той пустоте, из которой вытащил меня.

Отвернувшись от своего отражения, я больше не была «лучиком света». Теперь я была красной искрой в пороховом погребе этого мегаполиса.

Увидев молодых людей в темном переулке за ночным клубом, я направилась к ним. Парень смеясь, прижал девушку к кирпичной стене, и целовал её. В прежней жизни я бы сочувствовала им или прошла мимо, смущенно улыбаясь. Но сейчас... сейчас я чувствовала только запах их юности, который дурманил голову сильнее любого вина.

Зрачки расширились, поглощая алое пламя радужки. Мир вокруг потемнел, оставив лишь одну цель – горячую пульсацию на их шеях.

– Привет... – этот шёпот прозвучал тише шелеста шин по мокрому асфальту, но в нём было столько ледяного холода, что воздух в подворотне, казалось, мгновенно застыл.

Я возникла рядом с ними за долю секунды – вспышка пастельного шелка среди мусорных баков и облезлых стен. Парочка, увлечённая друг другом в тени грязной подворотни, даже не вздрогнула. Парень, не оборачиваясь, лишь небрежно махнул рукой, продолжая прижимать к себе девушку.

– Слышь, вали отсюда, – грубо бросил он, его голос был пропитан алкоголем и самоуверенностью. – Не видишь, мы заняты? Найди себе другое место для прогулок, кукла.

Я даже не шелохнулась. Стояла неподвижно, медленно наклоняя голову то к одному плечу, то к другому, словно хищная птица, изучающая диковинных насекомых. Мои ярко-красные глаза в полумраке пульсировали живым огнём, выжигая остатки человечности. Я смотрела, как они бесцеремонно ласкают друг друга, как их пальцы впиваются в одежду – так жадно, так примитивно.

– Я хочу... пить, – пролепетала я. Слово «пить» сорвалось с губ вместе с утробным, низким рыком, от которого у нормального человека кровь застыла бы в жилах.

Только тогда они лениво соизволили обернуться. Девушка первая побледнела, увидев это бледное, застывшее лицо и горящий алый взор. Парень открыл рот, чтобы выдать новую порцию ругани, но слова застряли у него в горле. В воздухе повис густой, удушливый запах страха.

– Кто согласен быть первым? – мой голос стал сухим, как треск ломающихся костей.

Не дожидаясь ответа и не давая им шанса даже вдохнуть для крика, я метнулась вперёд. Пальцы мёртвой хваткой впились в плечи парня, а клыки – острые, как бритвы – вошли в его горло. Он истошно закричал.

Девчонка взвизгнула так, что у меня заложило уши. Она с такой силой отпихнула своего обмякшего парня, что тот едва не сбил с ног, и припустила прочь. Её вопли о помощи беспомощно бились о холодное стекло небоскребов, улетая куда-то ввысь, к равнодушным звездам. Она бежала, спотыкаясь на своих нелепых каблуках, и что-то бессвязно выла, превращаясь в крошечное пятно в конце улицы.

Я сделала всего пару глотков. Ровно столько, чтобы унять этот обжигающий зуд внутри, от которого темнело в глазах. Слишком сладко, слишком много адреналина – человеческая кровь нового века оказалась на вкус как дешёвое крепленое вино.

Я с отвращением оттолкнула парня. Он глухо ударился о кирпичную стену и медленно сполз вниз, судорожно прижимая ладонь к рваной ране на шее. Его глаза были круглыми, как два блюда, полные животного ужаса.

– Иди уже, – бросила я, даже не глядя на него. – Я не собираюсь наслаждаться твоей смертью, не надейся. Сказала же – пить хочу, а не убивать. Орете как ненормальные, тошно слушать.

Я брезгливо вытерла губы тыльной стороной рукава своего теперь уже грязно-серого наряда. Кровь на ткани мгновенно потемнела, становясь почти черной. Не оборачиваясь на хрипы за спиной, я решительно зашагала в глубь подворотни. Прямо передо мной изрыгала тяжелый, вибрирующий бас железная дверь – черный вход в ночной клуб.

Я шагнула в гудящее нутро зала, где воздух был густым от пота и дешевого неона. Вспышки стробоскопов дробили реальность на рваные куски: в одну секунду я видела что-то смеющееся лицо, в следующую – лишь серый туман. Мои ярко-красные глаза, пылающие голодным огнем, в этом безумии света не вызвали ужаса – люди принимали их за линзы, за часть какого-то изощренного клубного грима.

Я шла напролом, и толпа невольно расступалась, подсознательно чувствуя исходящую от меня угрозу. Мое серое, перепачканное кровью платье и дикий взгляд выбивались из ритма танцующих тел. Но путь мне преградила живая стена – огромный, широкоплечий мужчина в строгом черном костюме. Его массивная фигура заслонила свет, а тяжелый взгляд охранника впился в мое лицо.

– Эй, полегче, красавица. Сегодня здесь не маскарад, – пробасил он, выставляя вперед огромную ладонь. – Ты ошиблась дверью. С таким прикидом иди на тематическую вечеринку, а отсюда вали, пока я добрый.

Я остановилась, медленно поднимая на него глаза, в которых отразилось всё мое презрение к этому новому веку.

Обведя взглядом его нелепый, сковывающий движения костюм и вызывающе улыbnулась.

– Какой странный на тебе наряд. А теперь так принято? – я кивнула в сторону танцовщиц на узких балконах, чьи тела прикрывали лишь полоски блестящей ткани. – Или сейчас в моде ходить почти голыми?

Охранник лишь утробно хохотнул, оглядывая мой серый наряд.

– Ты что, малявка, ночных клубов никогда не видела? – он издевательски сощурился. – Из какой ты дыры вылезла в таком тряпье? У нас тут приличные люди отдыхают, а не нищие из деревень.

Я почувствовала, как под кожей закипает холодная ярость.

– Полегче, парень, – я подняла тонкий палец, указывая на него. – Эта девушка не виновата, что её эпоха оставила ей только это. И она уж точно не «беднячка».

Но он не унимался. Его смех, громкий и пустой, резал слух сильнее, чем этот грохочущий бас колонок.

– Вали отсюда, оборванка! Это элитное заведение, тебе тут даже за вход не расплатиться.

В этот миг реальность треснула. Жажда, дремавшая на дне моего нового сознания, вспыхнула сверхновой. Музыка в голове превратилась в удары молота, вышибая остатки человеческого сострадания. Я не просто шагнула к нему – я исчезла и возникла вплотную, впиваясь в его холеное, пахнущее дорогим одеколоном горло.

Зал взорвался криками. Вспышки стробоскопов превратили панику в кошмарное немое кино: люди в ужасе бросали стаканы, спотыкались, давили друг друга, стремясь к выходу. Я пила жадно, чувствуя, как сила этого огромного тела перетекает в меня. Его кровь была густой, горячей, с привкусом власти.

Я с силой оттолкнула его тушу, и он рухнул на барную стойку, сбивая стройные ряды бутылок. Стекло с дребезгом осыпалось на пол. Я медленно выпрямилась, чувствуя, как алое пламя в моих глазах выжигает всё вокруг.

– Твоя кровь... определенно лучше той, из подворотни, – я слизнула багровую каплю с клыка, глядя на пустеющий зал. – Но всё равно что-то не то. В ней нет того, что я хочу.

Парень, еще секунду назад считавший себя хозяином этой «элитной» жизни, замер. Его холеное лицо побледнело, став почти одного цвета с моими руками, а в расширенных зрачках отразился мой алый оскал. Увидев мои окровавленные клыки, он издал звук, больше похожий на визг перепуганного животного, чем на голос взрослого мужчины.

Забыв о своей гордости и дорогом костюме, он рванул к выходу, спотыкаясь о перевернутые стулья. Его панический ор тонул в грохоте басов, но я слышала, как бешено колотилось его сердце – трусливый, неровный ритм.

Я стояла посреди пустеющего танцпола, и на моих губах играла холодная, чужая усмешка.

Обведя взглядом опустевший зал, где в свете замирающих стробоскопов валялись брошенные сумочки, блестящие туфли и осколки дорогих бокалов. Я посмотрела на свое отражение в панорамном зеркале за барной стойкой: грязный подол, запекшаяся кровь на сером платье, выбившиеся черные пряди.

– Ты прав, боров, – прошептала я, вспоминая слова сбежавшего охранника. – Это тряпье действительно выглядит ужасно. Даже в подземельях отца я выглядела достойнее.

Во мне проснулось забытое чувство – не жажда крови, а жажда соответствия. Если этот мир стал таким ярким, колючим и быстрым, я не могла оставаться пыльным призраком из прошлого.

Неделя в мегаполисе пронеслась как смазанный неоновый кадр. Я научилась пользоваться их «пластиковыми деньгами», сменила кружева на ледяной шелк и кожу, а мои волосы теперь пахли не полевыми цветами, а дорогим химическим парфюмом. Я выглядела как ожившее божество с обложки глянца, но внутри... внутри разрасталась пугающая пустота. Всё, что так восхищало меня в первые часы – огни, скорость, бесконечный шум, – наскучило мне до зубовного скрежета. Стоило мне разобраться, как работает очередная «умная» игрушка людей, как интерес к ней исчезал через минуту.

Но хуже всего было другое. Моё сердце.

Оно молчало. В прошлой жизни, даже будучи вампиром, я чувствовала его трепет при виде рассвета или улыбки Изаниса. Сейчас в груди была лишь холодная, неподвижная скала.

– И это всё? – прошептала я своему отражению в панорамном окне пентхауса, который я «одолжила» у одного испуганного банкира. – Ради этого ты вырвал меня из небытия? Чтобы я стала деталью в этом стальном механизме?

Я смотрела на город, который никогда не спит, и понимала: люди вокруг меня – такие же мертвые, как и я. Они бегут по кругу, едят, спят и смотрят в свои экраны, не замечая неба. В их жизни было столько же смысла, сколько в моем новом гардеробе.

Жажда крови утолялась быстро, но жажда жизни оставалась нестерпимой. Мои ярко-красные глаза теперь видели мир слишком четко, слишком цинично. В этом веке не было места для ромашек в волосах, а без них я была просто красивым, очень опасным трупом.

В какой-то момент я поймала себя на том, что просто стою посреди гостиной и уже час смотрю в одну точку. Депрессия бессмертных – самая тяжелая болезнь.

– Изанис... – позвала я в пустоту. – Ты совершил ошибку.

Глава 4

Двадцать пять лет назад ...

Глубоко в вековых лесах, где туман никогда не рассеивается полностью, затаилось поместье Обелиск Света.

Со стороны оно казалось лишь величественным памятником готике, но за коваными воротами скрывалась бездушная высокотехнологичная цитадель. Здесь древние сводчатые залы бесшовно переходили в стерильные лабораторные отсеки. На стенах, вместо полотен старых мастеров, в холодном свете ламп поблескивали коллекции хирургически точного серебряного оружия, а в стеклянных колбах с формалином пульсировали, словно всё ещё помня ужас, заспиртованные сердца великих вампиров. Воздух в коридорах был тяжелым, пропитанным едким озоном, терпкой вербеной и неистребимым, застарелым запахом предсмертной муки.

В самом сердце этого ледяного, технологичного совершенства безраздельно властвовал Дэвид Корн – человек с расчетливым умом стратега и пылающей, темной душой фанатика. Его ненависть к вампирам давно переросла в нездоровую, глубокую одержимость. Он изучал их не как врагов, а как совершенные биологические машины, совершившие фатальную ошибку в коде. Дэвид был непоколебим в своей вере: чтобы окончательно стереть монстра с лица земли,

недостаточно молитв или серебра. Нужно сотворить нечто, стоящее выше в пищевой цепочке – существо, обладающее мощью древнего хищника, но свободное от его главной слабости: проклятия вечной ночи и жажды крови. Ему не нужен был верный солдат или послушный исполнитель; его целью было создание живого идеала, венца биологического триумфа, перед которым падут ниц и люди, и чудовища.

Элора, чье лицо в мертвенном свете ламп казалось высеченным из бледного мрамора, нарушила стерильную тишину лаборатории. Ее голос, слабый и надтреснутый, едва преодолел гул работающих приборов:

– Дэвид ... ты действительно уверен, что всё получится? – она невольно прижала ладони к животу, где под кожей ощущалось странное, нечеловеческое тепло. – Я чувствую, как внутри меня зреет что-то ... чужое. Мне страшно, Дэвид. Сердце замирает от мысли, что мы переступили черту.

Корн даже не обернулся. Его пальцы продолжали уверенно порхать над сенсорной панелью, корректируя подачу очищенной плазмы.

– Милая, у нас нет права на сомнения, – отрезал он, и в его голосе прозвучал металл, холоднее любого скальпеля. – Мы обязаны довести это до конца. Ты же видишь отчеты: эти твари эволюционируют. Они стали быстрее, хитрее, они учатся обходить наши ловушки. С каждым рейдом мы теряем лучших людей, оставляя в лесах лишь пустые оболочки. Прежние методы – это вчерашний день. Нам необходимо оружие, которое будет говорить с ними на их языке, но обладать силой бога.

Элора судорожно вздохнула, ее глаза наполнились слезами, отражая холодный блеск хромированных стен.

– Но откуда в тебе эта слепая уверенность, что это решение – верное? Ты ставишь на кон всё: мою жизнь, душу этого существа ... Что, если природа окажется сильнее твоих расчетов? Что, если ребенок просто не выдержит этого яда и умрет, так и не открыв глаз?

Его жена, Элора, стала не спутницей жизни, а священным, осквернённым сосудом. По приказу мужа она месяцами поглощала очищенную плазму вампирских старейшин, добытую в кровавых рейдах. Магия крови и запретная наука сплелись в её утробе в противоестественный узел.

Голос Элоры сорвался на шепот, когда она в очередной раз схватилась за край металлического стола. Ее пальцы побелели от напряжения.

– Дэвид... я ощущаю странные движения. Это не похоже на толчки ребенка. Это... словно разряды под кожей. И боль, она нарастает, становится острее с каждым часом.

Корн среагировал мгновенно, но в его движениях не было супружеской нежности – лишь отточенная грация хирурга. Он подкатил диагностическую панель, и холодные сенсоры прикоснулись к пульсирующей коже Элоры. Его глаза, скрытые за стеклами очков, лихорадочно сканировали бегущие строки данных.

При последнем осмотре его лицо, обычно непроницаемое, на мгновение дрогнуло. Он стал замечать то, что не предсказывала ни одна модель: биоритмы плода не просто стабилизировались, они начали подавлять материнские. На мониторе ультразвука вместо привычных очертаний проступало нечто иное – скелет плода уплотнялся с невероятной скоростью, впитывая кальций и серебро из крови Элоры, превращаясь в гибкий, сверхпрочный каркас.

– Твое тело просто адаптируется, дорогая, – произнес он, не отрывая взгляда от экрана, где кривая пульса ребенка начала вычерчивать идеальный, хищный ритм. – Это цена эволюции. Боль – лишь побочный эффект того, как внутри тебя выковывается совершенство.

Но внутри Дэвид ощутил укол холодного азарта, смешанного с тревогой. Он видел, как зрачки Элоры на долю секунды сузились в вертикальные щели, а температура ее тела упала до критической отметки, в то время как плод буквально пылал лихорадочным жаром.

К шестому месяцу «Обелиск Света» погрузился в зловещую тишину, прерываемую лишь прерывистым дыханием Элоры. Эксперимент Дэвида вошел в терминальную фазу: дитя внутри неё окончательно отвергло земную пищу. Плод больше не нуждался в витаминах и капельницах – он начал деконструировать саму мать, высасывая микроэлементы из её костей и жизненную искру из её крови.

Элора таяла на глазах, превращаясь в живой призрак. Её некогда густые волосы потускнели и выпадали прядями, а кожа стала настолько прозрачной, что сквозь неё была видна пульсирующая темных, почти черных вен, по которым теперь текла субстанция, лишь отдаленно напоминающая человеческую кровь. Но чем слабее становилось её тело, тем необъяснимо сильнее становилась её связь с этим существом.

В редкие часы забытья, когда боль отступала, сменяясь холодным оцепенением, Элора баюкала свой огромный, опасно горячий живот. Она чувствовала не монстра, а одиночество, запертое внутри неё.

– Я назову тебя Кейн, – шептала она пересохшими губами, и её голос эхом отдавался от стерильных плиточных стен. – Мой маленький Кейн... Смерть ночи.

Это имя стало её тайным бунтом против мужа. Для Дэвида плод был «Объектом Альфа», «Биологическим триумфом», «Оружием». Для Элоры же он был сыном, обреченным на вечную битву еще до первого вздоха. Она верила, что, дав ему имя, она дарит ему душу, которую Дэвид так старательно пытался заменить программным кодом и серебром.

Элора Корн превратила последние недели своей жизни в жуткую мистерию самопожертвования. Она осознанно сделала свое тело живым алтарем для существа, которое не знало пощады.

Когда Дэвид, впервые в жизни ощутивший подлинный первобытный страх перед ненасытным аппетитом собственного творения, приказал подготовить операционную для прерывания беременности, Элора восстала. Она прижала исхудавшие, дрожащие ладони к животу, защищая того, кто медленно ее убивал.

– Я не позволю тебе оборвать эту жизнь, Дэвид, – ее голос был едва слышным шелестом, но в нем звучала сталь, которой позавидовал бы сам Корн. – Ты хотел триумфа – ты его получишь. Это не просто «объект», это мой сын. И я вынесу его до конца.

Она фактически отстранила мужа от медицинских процедур, боясь, что он тайно введет ей смертельный для плода препарат. Оставшись в одиночестве в стерильных покоях, Элора сама, трясущимися руками, устанавливала катетеры. Она вливала в свои вены литры донорской крови и очищенной плазмы, пытаясь «насытить» существо внутри, чтобы оно перестало пожирать её собственные ткани.

Каждый день она наблюдала в зеркало свою необратимую трансформацию: её вены чернели, превращаясь в причудливую паутину под кожей, кости становились хрупкими, как сухой хворост, а лицо превратилось в обтянутый пергаментом череп. Но даже в бреду, когда сознание гасло, она продолжала гладить живот и шептать: «Мой маленький... мой особенный... ты увидишь этот мир». Каждое утро она заклинала мужа, хватая его за руки: «Обещай, что сохранишь его. Поклянись, что он будет жить, что бы ни стало со мной».

Спустя две недели тишину лаборатории разорвал протяжный гул мониторов. Смерть наступила в предрассветный час, когда ледяной туман за окном был особенно густым. Сердце Элоры, изможденное двойной нагрузкой и магическим резонансом плода, просто сдалось.

Дэвид Корн, великий стратег и борец с нечистью, оказался перед лицом самого страшного испытания в своей жизни. В мертвенном свете ламп, в окружении коллекции заспиртованных сердец, он стоял над телом женщины, которую принес в жертву своей идее. У него не было времени на скорбь – он видел, как живот мертвой жены всё еще содрогается от мощных, ритмичных толчков. Ему пришлось взять в руки скальпель и вскрыть плоть той, кого он

покаялся защищать, чтобы извлечь из мертвой матери причину её гибели – живое воплощение своего биологического триумфа.

Когда Дэвид извлек из безжизненного тела Элоры окровавленный сверток, лабораторию не огласил крик новорожденного. Наступила мертвая, противоестественная тишина. Младенец распахнул глаза – не мутные, как у обычных детей, а ярко-алые, полные холодного, почти осознанного вызова. В этом взгляде не было нужды в защите; в нем читалась древняя, хищная сила, которая уже знала цену своего появления на свет.

Ослепленный горем, задыхаясь от ярости на самого себя и на это существо, забравшее жизнь его жены, Дэвид сорвал со стены ритуальный серебряный кинжал. Его рука, привыкшая к скальпелю и курку, занесла клинок над крошечной грудью. Он хотел оборвать этот эксперимент, уничтожить живой памятник собственной гордыни, который прямо сейчас смотрел на него глазами убийцы.

Но в стерильном воздухе, пропитанном озоном и кровью, вдруг отчетливо зазвучал голос Элоры. *«Обещай мне... это наш сын... Это мой Кейн.»* Эти слова, сказанные в предсмертном бреду, стали сильнее его ненависти.

Дэвид замер. Клинок дрожал в нескольких миллиметрах от кожи младенца. И тут произошло нечто, сломившее волю стратега: алое пламя в глазах ребенка на мгновение притухло, и в чертах его лица проступило поразительное, мучительное сходство с матерью. Те же линии скул, тот же изгиб бровей. В его руках лежал не просто «Объект Альфа», а плоть от плоти женщины, которую он погубил. Ребенок был теплым, его сердце билось ровно и мощно, заявляя права на этот мир.

Дэвид медленно опустил оружие. Металл со звоном упал на кафельный пол. Он понял: смерть Элоры не может быть напрасной потерей. Если он уничтожит Кейна сейчас, то признает, что её жертва была бессмысленной бойней.

– Ты будешь тем, кем она хотела тебя видеть, – прохрипел Дэвид, прижимая к себе живое дитя. – Но ты станешь и тем, для чего я тебя создавал.

В ту ночь в Обелиске Света траур не был объявлен. Корн стер кровь с лица сына и вернулся к мониторам. Теперь у него была не просто идея, у него был наследник, в чьих жилах текла магия вампиров, технология людей и предсмертная любовь матери.

Кейна растили не в детской, а в тренировочном боксе. Его не обнимали – его закаляли. С пяти лет его учили чувствовать запах вампирской крови за мили, отличать ритм сердца испуганной жертвы от хищника. Его тело обладало регенерацией монстра, но разум оставался человеческим, скованным железной дисциплиной и ненавистью к самому себе.

Дэвид так и не смог полюбить сына. Для него Кейн был лишь напоминанием о смерти Элоры и неудачным экспериментом, который, тем не менее, стал самым грозным охотником в истории.

– Ты – тень, – часто говорил ему отец, не глядя в глаза. – Ты существуешь только для того, чтобы чистить этот мир от таких же, как ты.

Детство Кейна было соткано из металлического привкуса крови животных и бесконечных тренировок на износ. Его не учили читать сказки – его учили читать следы на сырой земле и различать ритм замирающего сердца. Свое первое убийство он совершил, когда сверстники еще играли в деревянных солдатиков: в десять лет маленькая рука Кейна, ведомая холодным расчетом, вонзила кол в грудь опытного кровопийцы. В двенадцать отец, окончательно убедившись в смертоносности своего творения, отпустил поводок. Самостоятельная охота стала для мальчика единственным способом заслужить скупое кивание Дэвида. Кейн ненавидел каждую клетку своего тела. Он ненавидел зеркала, в которых отражались его красные глаза, напоминавшие ему о том, что он – биологическая ошибка, чудовище, выкормленное на смерти матери.

Но переломный момент наступил в день его двадцатилетия.

Дэвид Корн, всегда холодный и отстраненный, вызвал сына в главный зал. Свет факелов играл на лезвиях оружия, когда отец впервые за двадцать лет посмотрел Кейну прямо в глаза без тени отвращения.

– Ты всегда был моим трофеем, Кейн, – голос Дэвида прозвучал непривычно глухо. – Живым доказательством моей силы. Но сегодня я вижу не просто эксперимент. Я вижу воина, превзошедшего своего создателя. Несмотря на то, кто ты есть... я горжусь тобой. Ты – лучшее, что случилось в моей жизни.

В тот вечер отец вложил в руки сына свой личный серебряный клинок – фамильную реликвию клана с гравировкой. Этот клинок стал для Кейна и благословением, и проклятием. Он носит его на бедре как символ единственного признания, которое он когда-либо получал, и как оружие, которым он должен истреблять себе подобных.

Глава 5

Кейн

Утро в нашем секторе началось так, будто кто-то взорвал дымовую шашку в муравейнике. С самого рассвета стены нашего охотничьего домика – одного из пяти опорных пунктов, разбросанных по периметру мегаполиса – буквально вибрировали от гула голосов. Высшие чины в главном штабе, наверное, уже оборвали все линии связи, а парни суетились так, словно наступил конец света.

Я вылетел в обеденный зал, не потрудившись даже застегнуть куртку. Серебряный клинок отца, мой бессменный спутник, тяжело хлопнул по бедру.

– Что вы опять галдите?! – рявкнул я, перекрывая звон посуды и крики. – Голова и так раскалывается, а вы тут устроили базар.

– Пока ты давишь подушку, Кейн, город буквально кипит, – выплюнул Вейн, тыча пальцем в экран. – У нас завелась проблема, и она очень голодная. Ночью совершенно нападение на элитный клуб в центре. Камеры зафиксировали хаос, охрана в ауте. За одну ночь – пятнадцать покусанных.

Я замер, чувствуя, как ртуть в моих жилах начинает неприятно холодеть. Пятнадцать? За одну ночь? Это не охота, это публичная порка.

– Пятнадцать... – я вытаращил глаза, не веря услышанному. – И сколько трупов?

– В том-то и дело, – Вейн наш лидер, замялся, почесывая затылок. – Ни одной жертвы. Все живы. Просто... покусаны. Причем профессионально, если можно так сказать. Пара глотков – и следующий.

Я озадаченно нахмурился. Вампиры не оставляют пятнадцать живых свидетелей за раз. Они либо скрытны, либо устраивают кровавую баню. А тут – наглый, демонстративный вызов. Будто кто-то просто пробовал меню в ресторане и выкидывал блюда одно за другим.

– Это странно, – я почувствовал, как рука сама легла на клинок. – И что, их никто не перехватил? Где твои хваленые патрули, Вейн? Где люди из засады? Как можно было упустить существо, которое устроило дебош в самом охраняемом месте района?

Вейн с размаху шлепнул на стол помятую брошюру, присланную из соседнего сектора. На снимке, сделанном камерой наружного наблюдения, виднелся лишь смазанный силуэт, застывший в прыжке.

– Это один вампир, Кейн, – Вейн ткнул пальцем в зернистое изображение. – Точнее, одна.

Я прищурился, глядя в фото. Серая, перепачканная чем-то темным одежда, волосы чёрные как смоль, разметавшиеся по плечам. Лица не было видно – только хищный разворот корпуса и пугающая скорость, которую не смог зафиксировать затвор камеры. Но даже по этому снимку от неё веяло не могильным холодом, а какой-то выжигающей яростью.

– Одна? – я вскинул брови, чувствуя, как кровь в моих жилах отозвалась странной вибрацией. – И её никто не убил? Пятнадцать укушенных в «элитке», и ни один патруль не всадил ей кол в спину?

Вейн лишь развел руками, в его глазах читалось раздражение пополам с облегчением.

– Там была не наша территория, Кейн. Чужой квадрат. Нам прислали только сводку, чтобы мы были начеку, если эта «балерина» забредет к нам.

– Понятно, – я резко поднялся, одергивая куртку. – Значит так: сегодня выходим все. Патрулируем каждый чертов переулок, каждую крышу. Ищем эту черноволосую дрянь. Если она решит, что наш район – её новая столовая, я лично познакомлю её с подарком моего отца.

Вейн лишь одобрительно кивнул. Как глава нашего сектора, он всегда прислушивался к моему мнению, хотя я категорически не хотел брать на себя бремя лидерства. Отец наверняка был бы в ярости, узнай он, что я добровольно отдал власть обычному человеку. Но меня до дрожи бесили эти тупые, полные суеверного страха взгляды. Все эти шепотки за спиной о том, кто я и что течет в моих жилах.

Как только отец умер, я решил: с меня хватит. Я полностью перекроил свою жизнь.

Я перестал употреблять кровь животных, хотя поначалу ломка была невыносимой. Стал жить как обычный парень – снимать квартиру, ходить за продуктами, спать по ночам. Я даже начал забывать, как пользоваться той пугающей силой, которую мне подарили перед рождением. Я продолжал выполнять работу охотника, но теперь делал это наравне со всеми, опираясь только на свои человеческие рефлексии и мастерство владения клинком.

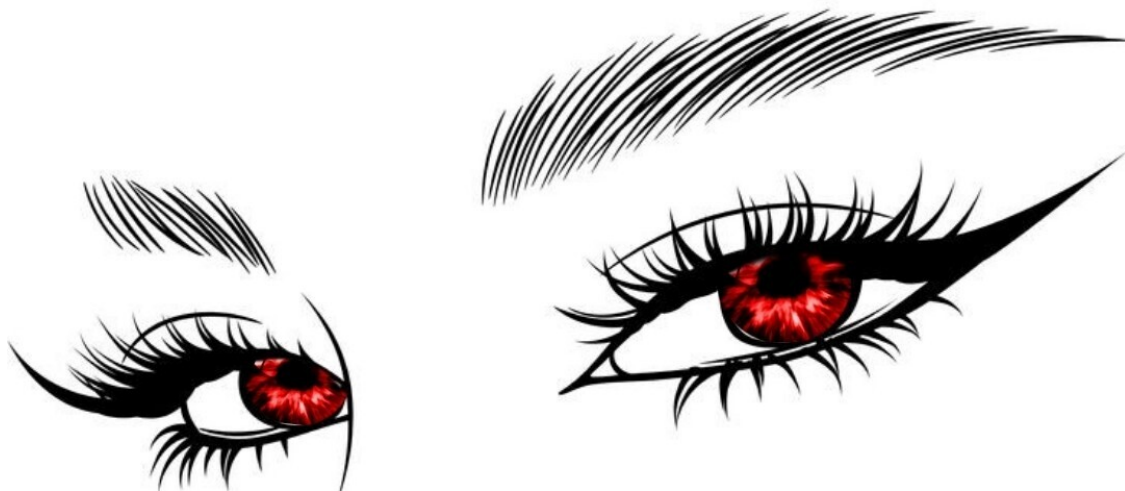
– Ладно, Вейн. Раздели ребят на группы. Я пойду один. Если она настолько быстра, толпа охотников её только спугнет.

Я вышел на улицу, и утреннее солнце, которое я так любил за то, что оно не могло меня убить, сегодня казалось слишком ярким.

Этот ритм стал моей религией: двенадцать часов человеческой маскировки и двенадцать часов кровавой работы. Днем я был просто Кейном – парнем, который пьет безвкусный кофе в пластиковом стаканчике, щурится от настоящего солнца и старается не слышать, как у касирши в супермаркете бешено бьется пульс на шее. Это была моя тихая гавань, мой способ обмануть судьбу.

Но как только сумерки съедали горизонт, маски сбрасывались. Мы точно знали: день – для тех, в ком течет жизнь, ночь – для тех, кто хочет её отнять.

Глава 6

Изи

5 лет спустя...

Прошло пять лет с той ночи, когда холодный мрамор алтаря сменился теплом живых тел. Я научилась носить это двадцатилетнее тело как изысканное платье, скрывающее внутри бездонную пропасть.

Я сидела на большой, неприлично мягкой перине, чувствуя, как тонкое полупрозрачное кружево белья холодит кожу. Мои пальцы, тонкие и бледные, медленно скользнули по губам – я лениво вытирала уголок рта, где еще теплилась капля густого, багряного нектара.

А вокруг меня, в беспорядке шелковых простыней, лежали они – мои «гости». Полуголые мужчины и женщины, чьи тела еще содрогались от изнеможения и сладкого дурмана моего внушения. Они не помнили боли, только экстаз, который я дарила им взамен на их жизнь.

– Вы самый сладкий десерт, – прошептала я, обводя их тягучим, хищным взглядом.

Мой голос, когда-то хриплый от могильной пыли, теперь звучал как чистый бархат. Я смотрела на пульсирующую жилку на шее одного из юношей и чувствовала... ничего.

Пять лет я пыталась заполнить свою внутреннюю пустыню этой теплой влагой. Я пила их страсть, их молодость, их обожание, но внутри всё так же царил мертвая тишина.

Я лениво накинула на плечи шёлковый халат цвета запекшейся крови – мой любимый оттенок, напоминающий о том единственном, что всё ещё имело для меня значение. Перешагнув через расслабленное, едва дышащее тело юноши, я вышла из спальни, наполненной ароматом мускуса и железа.

В коридоре, освещённом тусклыми бра, я замерла перед ростовым зеркалом в золочёной раме. Привычным движением я поправила выбившуюся чёрную прядь, любуясь контрастом.

Больше всего в этом новом облике мне нравились глаза. Глубокие, пугающе алые, они были единственным честным отражением того, что скрывалось внутри. В них не было ложного тепла, только холодная жажда. И хотя моё сердце оставалось безмолвным камнем, у меня всё ещё были свои капризы. Я любила эстетику: то, как гармонично смотрелись мои красные глаза на фоне мертвенно-бледной кожи и воронова крыла волос.

Я не чувствовала любви, жалости или страха, но я чувствовала стиль. И я чувствовала азарт.

Я остановилась, небрежно затягивая пояс шелкового халата. Эреш стоял в тени массивной колонны, выглядя всё так же безупречно и всё так же неуместно в этом веке.

– Сестра... – он низко поклонился, но в его глазах я видела не почтение, а глубокую, не проходящую печаль.

– Надо же. Какая встреча, – я прислонилась плечом к холодной стене, рассматривая свои безупречно подпиленные ногти. – Как ты меня нашёл, Эреш? Прошло пять лет.

– Сложно не найти тебя, Изи, когда твой путь к этому дому вымощен телами, – тихо ответил он, не поднимая взгляда.

– Правда? – я притворно вскинула брови, и в зеркале в конце коридора мелькнул алый блеск моих глаз. – Прямо целая дорожка? Звучит... эстетично. Хотя, признаться, я не считала. Для меня они лишь бокалы, которые я отставляю в сторону, когда жажда стихает.

Я сделала шаг к нему, наслаждаясь тем, как он невольно напрягся.

– Ты пришёл прочитать мне мораль о ценности человеческой жизни? Я сделала шаг к брату, и в воздухе между нами отчетливо запахло озоном и старой кровью. Эреш не отвел взгляда, но я видела, как расширились его зрачки.

– Фу, – я поморщилась, рассматривая его лицо с холодным любопытством. – Не смотри на меня так. Твои желтые глаза начинают меня раздражать. Мне по душе алый, – прошептала я, и на моих губах заиграла змеиная улыбка.

Эреш тяжело вздохнул, и этот звук заставил меня поморщиться еще сильнее.

– Ты стала жестокой, Изи. Даже для нашей породы.

– Я стала честной, – отрезала я.

– Ты ставишь под удар все кланы, Изи! – Эреш преградил мне путь, и в его голосе впервые прорезался настоящий гнев. – У нас договор, вековой кодекс: мы не убиваем людей и не пьем их кровь открыто. Мы тени, а не мясники. Посмотри на себя, кем ты стала? Твои глаза... они выдают тебя за версту!

Я остановилась и медленно повернулась к нему, изгибая бровь в притворном удивлении.

– А что мои глаза? – я подошла вплотную, заставляя его вжаться в перила лестницы. – Красивые, правда? И яркие. Мне просто не нравится вкус животных, Эреш. Я не собираюсь давиться кровью облезлых крыс или лесных оленей только ради твоего спокойствия. И где убила человека? Покажи мне хоть один труп в этом доме? – я рассмеялась, и этот звук был сухим, как треск ломающихся костей. – Они все живы. Да, они бледные. Да, они, возможно, не узнают своих матерей завтра утром и будут еле передвигать ноги. Но они дышат! Разве твой драгоценный договор запрещает мне брать «налог» за удовольствие, которое я им дарю?

Я ткнула пальцем ему в грудь, прямо туда, где у него, в отличие от меня, всё еще теплилось подобие жизни.

– Живы же. А то, что они теперь наполовину пустые оболочки – не моя забота. Я просто беру то, что мне причитается по праву силы. Если кланы боятся за свои шкуры, пусть придут и попробуют меня остановить. Но ты же знаешь... – я хищно оскалилась, обнажая клыки, – убить меня теперь не так-то просто. Даже вампирам.

Эреш промолчал, но я видела, как в его желтых глазах отразился настоящий ужас. Он понимал: я больше не подчиняюсь их правилам. Я сама стала правилом.

– А теперь проваливай, брат, – бросила я через плечо, продолжая свой путь.

– Тебя вызывает отец, – бросил он мне в спину, и в его голосе лязгнуло железо. – Вообще-то, именно для этого я и явился. Не для того, чтобы любоваться твоим новым гардеробом.

Я остановилась на верхней ступени и медленно, с кошачьей грацией, обернулась. Шёлк халата зашуршал, словно предупреждающее шипение змеи.

– Да мне плевать, Эреш, – я скучающе зевнула, прикрыв рот ладонью с безупречным черным маникюром. – Он вызывает меня каждый божий день как только я вернулась сюда.

Ты не первый, кто приходит с этой «великой миссией» почтового голубя. Пусть сам приходит, если ему так не терпится посмотреть в мои алые глаза. Мои двери открыты...

– Изи! – рявкнул Эреш, и этот крик заставил хрустальные подвески на люстре мелко задрожать. – Ты забываешься! То, что ты теперь окончательно бессмертная, не даёт тебе права плевать на законы крови и уходить из клана. Ты – вампир, и у тебя есть семья!

– Где был отец, когда вы, два идиота, воскрешали меня? – мой голос разрезал тишину коридора, как бритва. Я сложила руки на груди. – Уверена, он был, мягко говоря, не в восторге, когда узнал, что его драгоценный сын нарушил законы мироздания ради своей прихоти.

Эреш отвел взгляд, и на его скулах заиграли желваки.

– Я буду наказан, Изи... Если не придёшь, – глухо вклинился он, и в его голосе промелькнула обреченность, которую не скрыть за гордой осанкой.

Я замолчала. Целую минуту я просто сверлила его взглядом, изучая каждую морщинку на его лице, которое когда-то казалось мне родным. В моей голове проносились картины прошлого: как мы охотились вместе, как он прикрывал меня от солнечных лучей... и как он стоял над моим алтарем, позволяя Изанису совершить это безумие.

– Ладно, – наконец бросила я, разрывая гнетущую паузу. – Я приду.

Я сделала шаг мимо него, обдав его холодом своего присутствия.

– Но запомни, Эреш: если он решит закрыть меня в темнице, вы все горько об этом пожалеете. Я не та слабая девчонка, которую вы оплакивали. Если я захочу, этот замок станет вашей общей братской могилой.

Я остановилась у самого края лестницы, не оборачиваясь, но чувствуя, как брат затаил дыхание за моей спиной. Мой голос стал тише, приобретая ту самую пугающую глубину, которая появляется лишь у тех, кто заглянул за край и вернулся не до конца.

– Лучше тебе сразу искать способ вернуть меня во тьму, Эреш. Но вот только поздно, – я замерла на ступенях, и мой смех, тихий и надтреснутый, поплыл по холлу, как ядовитый туман. – Я пока не хочу обратно.

Глава 7

Кейн

Дневная суэта мегаполиса всегда казалась мне лишь картонной декорацией, фальшивым фасадом, за которым люди прячут свою хрупкость. Но городская тишина, медленно опускающаяся на улицы вместе с сумерками, действовала иначе – умиротворяюще, почти целебно. В этом кратком моменте безмолвия, когда гул машин стихал, я ловил редкие ноты гармонии, те крохотные крупинки порядка, которые этот безумный мир ещё пытался сохранить. Но стоило последним лучам солнца утонуть в бетоне, как мой призрачный покой сгорал без остатка. Наступало моё время. Я выходил на охоту.

Прошло пять лет с той ночи в клубе, но мы так и не нашли ту черноволосую вампиршу, затеявшую массовый пир. Она словно растворилась в неоновом мареве, и, честно говоря, нам это было на руку – одной головной болью меньше. Но затишье оказалось обманчивым. Спустя два года город захлестнула новая волна: твари стали появляться повсюду, действуя дерзко, открыто и жестоко. Похищения и убийства стали обыденностью, и тогда наша охотничья жизнь закипела зловещими красками ночи.

Сегодняшняя погоня выпила из меня все соки. Я прочесал дюжину кварталов, петлял по зловонным, зажатым между небоскребами переулкам и часами замирал в тених, сливаясь с холодным камнем стен, становясь частью самой архитектуры. Вампиры в последнее время окончательно потеряли страх. Они словно сорвались с цепи: в наглую нарушают древние, негласные пакты, оставляя после себя слишком много грязи, крови и изуродованных трупов. Они забыли, чья воля на этих улицах является единственным законом. Но память возвращается к ним быстро – обычно вместе со вспышкой боли. Моя работа проста и необратима: я прихожу, чтобы забрать их фальшивую вечность. Смерть за смерть. Жизнь за жизнь.

– Тебе здесь не место, тварь, – мой голос сорвался на глухое рычание.

Я шагнул из тени, чувствуя, как ладонь привычно обжигает рукоять клинка из чистого серебра. Кровосос среагировал мгновенно. Он небрежно, словно надоевшую куклу, отшвырнул в сторону хрупкое тело девушки. Её голова безжизненно мотнулась, когда она ударилась о мокрый асфальт.

Он медленно обернулся ко мне. На его бледном лице застыл хищный оскал, а в свете тусклого фонаря блеснули окровавленные клыки. Пижонским жестом он вытер подбородок рукавом дорогой рубашки..

– Надо же, сам Кэйн ... – прошипел он, смакуя каждый слог, будто пробуя его на вкус. – Что-то ты припозднился сегодня, охотник. Заблудился в трех соснах или просто вежливо ждал, пока я закончу ужин?

Я рванулся в атаку, вкладывая в этот бросок всю ярость и силу, на которую был способен. Но воздух лишь свистнул в пустоте – вампир исчез с неестественной, ломаной быстротой. Секунда – и он уже возвышался надо мной, припав к краю крыши приземистого здания, словно огромная хищная птица.

– Кэйн, Кэйн ... ты сегодня какой-то вялый, – протянул он, насмешливо склонив голову набок. – Тяжело идти против природы, да? Всё потому, что настоящая кровь дает силу, а ты давишься лесными белками ... Тебе не кажется, что вырезать собственных сородичей – это как-то ... не по-семейному?

В его голосе сочился яд. Я почувствовал, как ногти впиваются в ладони, но заставил себя дышать ровно.

– У меня нет сородичей среди тех, кто кормится невинными, – мой голос прозвучал глухо, как удар камня о землю.

– Невинная? – он буднично хмыкнул и сложил руки на широкой груди. Его фигура подавляла: мощный разворот плеч, литые мышцы под тонкой тканью и короткий, жесткий «ёжик» волос. Уродливый шрам, пересекающий бровь и уходящий глубоко к скуле, превращал его лицо в маску застарелой жестокости.

– Да она забыла, что такое невинность, ещё до того, как я её встретил.

Он плавно опустился на корточки, нависая надо мной, словно горгулья.

– Послушай, Кэйн, – прошипел он, и в его глазах вспыхнул опасный интерес. – Примкни к нам. Ты ведь один из нас, как ни крути. И глаза у тебя такие же ... – он прищурился, вглядываясь в темноту под моим капюшоном. – Вот только странно: пьешь кровь зверья, а глаза горят алым, как у истинного убийцы. Может, ты не так уж свят, а? Может, тебя тоже пора проучить?

Я стоял неподвижно, из последних сил подавляя дрожь – не от страха, а от пробуждающегося внутри голода, который всегда отзывался на близость чужой крови.

– Они с рождения такие, – отрезал я, обрывая его пустую болтовню.

Воздух свистнул, когда я вложил всю инерцию корпуса в резкий выпад. Клинок метил в плечо, стремясь пригвоздить его к стене, но вампир лишь коротко хохотнул. С неестественной легкостью, почти смазанным движением, он отпрянул назад, разорвав дистанцию.

– Ты сегодня явно не в форме, Кэйн. Скучно, – бросил он, кривя губы в разочарованной гримасе.

Он спрыгнул с карниза, намереваясь приземлиться в паре метров от меня, но я не дал ему этой секунды на передышку. Сократив расстояние в два широких шага, я провел серию молниеносных выпадов. Сталь пела в моих руках. Последний удар достиг цели: острие глубоко вскрыло его бедро.

Тварь зашипела. Это был не человеческий крик боли, а сухой, змеиный звук. Он отшатнулся, оскалив клыки, которые хищно сверкнули в тусклом, умирающем свете уличного фонаря. Серебро сработало мгновенно – кровь, коснувшаяся лезвия, закипела, зашипев, словно кислота на открытой ране. Темное пятно быстро расплзлось по ткани брюк, дымясь и источая едкий запах паленой плоти.

– Ну зачем же так ... портить мой вид? – вампир театрально вздохнул, накрыв ладонью рану. Кровь густыми толчками просачивалась сквозь его пальцы, но в голосе вместо агонии по-прежнему звенела издевка. – Мне ведь ещё на свидание сегодня.

– Где твой хозяин? – я перехватил рукоять поудобнее, не опуская клинка ни на сантиметр. Мой взгляд впился в его лицо, ловя малейшую тень страха.

– Ну уж нет. На такие интимные вопросы я не отвечаю, – он снова оскалился, медленно отступая в густую тень переулка. – Хочешь, чтобы она мне голову открутила за длинный язык? Ищи сам, если такой смелый.

— Она?

В то же мгновение он резко выпрямился. Один короткий шаг назад – и тьма, словно живое существо, поглотила его. Он растворился среди теней так стремительно, что я не успел даже вскинуть руку. Пустой переулочек ответил мне лишь тишиной и запахом паленой плоти.

Вернувшись в пустую квартиру, я с глухим звоном бросил серебряный клинок на журнальный стол. Тяжело, всем весом, рухнул в кресло и закрыл глаза, наполнив комнату хриплым, рваным выдохом. Спину ломило так, будто по ней проехали катком, а в мышцах пульсировала тягучая, выматывающая боль. Проклятье, сегодня я и впрямь был непозволительно слаб.

«Это чёртово тело...» – я с силой провел ладонью по лицу, чувствуя холод собственной кожи.

В полумраке комнаты мои глаза, должно быть, светились двумя багровыми углями. Эта сила, эта жажда, эта скорость – всё, что делало меня идеальным убийцей, одновременно выжигало меня изнутри.

– Я грёбаный мутант, не иначе, – прошептал я в пустоту, ненавидя каждое слово.

Я замер, прислушиваясь к бешеному стуку собственного сердца. Оно билось слишком медленно для человека и слишком громко для мертвеца.

Отец хотел создать совершенство, а сотворил изъясн. Ритуал, который должен был превратить меня в высшего хищника, захлебнулся на полпути: плоть взбунтовалась, отвергнув часть древней магии. Я замер в этой уродливой «середине». Ни человек, ни монстр. Кроваво-красный взгляд, обрывки вампирской мощи, растянутое на десятилетия долголетие и раны, затягивающиеся прямо на глазах – вот и всё моё наследство. Но за фасадом силы скрывалась хрупкость: я всё так же мог сгореть от лихорадки или умереть от банальной простуды. Я сохранил человеческую способность продолжить род – горькая ирония для того, кто считает себя последним в своем проклятом виде.

– Эй, милый, как дела?

Мягкий, живой голос разрезал густую тишину комнаты. В тот же миг на мои напряженные плечи легли теплые женские ладони. Их прикосновение обожгло меня сильнее, чем холодная сталь меча.

Я резко распахнул глаза, вырываясь из вязкого марева воспоминаний. Сон слетел мгновенно, сменившись инстинктивной готовностью к бою. Тело всё еще гудело от изнурительной ночной охоты, а разум лихорадочно сшивал лоскуты реальности: моя квартира, кресло, тусклый свет... и она.

– Ты что здесь делаешь? – я медленно повернул голову, встречаясь с ней взглядом. Голос прозвучал хрипло, выдавая мою усталость.

– Неужели совсем не соскучился? – Стелла чуть вздернула тонкие брови, мастерски разыгрывая обиду. Но я слишком хорошо её знал: в глубине её зрачков плескалась не нежность, а плохо скрытая тревога.

– У меня работа, если ты вдруг забыла, – я выдохнул и с силой потер переносицу, пытаюсь унять пульсирующую боль в висках. – Причем такая же, как и у тебя, Стелла. И эта работа не приучена ждать, пока я соизволю выспаться.

Стелла выпрямилась. Резким, почти капризным жестом она откинула светлые пряди за спину. В её небесно-голубых глазах, еще секунду назад обеспокоенных, вспыхнул опасный азарт – вызов, на который я всегда отвечал.

Она не была хрупким цветком. Она была таким же заточенным клинком, как и я, только в другой обертке.

– Кэйн, я знаю нашу работу лучше, чем кто-либо, – произнесла она, и её голос, обычно нежный, сейчас вибрировал от вкрадчивой настойчивости. – Но жизнь – это не только кровь на асфальте. Я хочу тебя. Неужели ты скажешь, что не хочешь меня?

– Стелла, я выжат... – выдохнул я, пытаюсь выстроить хоть какую-то ментальную стену.

Она не дала мне закончить. Резким, бесстыдным движением Стелла задрала подол платья до самой талии и рывком оседлала мои бёдра. Я почувствовал жар её кожи сквозь грубую ткань своих джинсов. Она не смотрела мне в глаза, но я видел в них нежность и ласку.

– Хочешь, я заставлю тебя забыть об этой усталости? – прошептала она, склоняясь так близко, что её горячее дыхание обожгло мою щеку.

Я сжал кулаки до белых костяшек. Внутри, в самом низу живота, заворочалось то самое темное чувство – не то человеческое влечение, не то звериный инстинкт вампира, который она так упорно выманивала наружу.

– Давай не сегодня, – я упёрся ладонями в её талию, пытаюсь отстранить, но Стелла лишь крепче вцепилась в мои плечи. Её пальцы больно впились в мышцы.

Дыхание девушки участилось, став прерывистым. Она прижалась ко мне всем телом, лишая пространства для маневра. Её губы мазнули по моим, дразня и требуя ответа.

– Ну же, милый ... – шепот сорвался на хрип. В нём смешались мольба и властная настойчивость. – Один раз. И я исчезну. Обещаю.

Я зажмурился, борясь с накрывающей волной. Каждое её движение, каждое трение бедер о мои колени отзывалось внутри электрическим разрядом. Моя хваленая воля таяла, как воск под пламенем. Рассудок затуманивался, уступая место чистому желанию. В груди клокотала буря: усталость против похоти, долг против первобытной нужды поддаться.

Резким, почти грубым движением я перехватил её инициативу. Одним рывком перевернул, вжимая её в глубину кресла, и навис сверху, намертво упершись руками в подлокотники. Наши взгляды столкнулись мимолетно. В её расширенных зрачках горело негодование и голодное, почти отчаянное ожидание.

Она отвела взгляда, лишь подняла подбородок подставляя мне свою шею – бледную, пульсирующую, невыносимо желанную.

– Ты играешь с огнем, Стелла, – мой голос надтреснул, став чужим, хриплым рычанием. Внутри всё стонало от напряжения, последние барьеры человечности рушились с оглушительным треском.

– А ты ... боишься обжечься? – выдохнула она прямо мне в губы. Её пальцы, тонкие и горячие, медленно скользнули вверх по моей груди, царапая кожу через тонкую ткань рубашки.

Это стало детонатором. Я сделал выбор, отшвыривая остатки самообладания.

Одним резким, не терпящим возражений движением я сорвал с неё кружевные стринги – тонкая ткань лопнула в моих пальцах, как паутина. Молния на моих брюках поддалась с сухим звуком, и я вошел в неё рывком, без предупреждения и прелюдий. Стелла вскрикнула, резко выгнувшись в кресле. Её пальцы до белизны в костяшках впились в кожаные подлокотники, голова откинулась назад. Из её приоткрытых губ вырвался рваный стон – в нем была и вспышка боли, и глубокое, на грани агонии, наслаждение.

Мои движения были яростными, лишёнными нежности. Это была не любовь, а экзорцизм. Я двигался в ней в такт той буре, что выжигала меня изнутри: хаотично, мощно, первобытно. Моя ладонь накрыла её горло, слегка придавливая к спинке кресла. Я не сжимал пальцы до конца, но она чувствовала эту грань – грань моей абсолютной власти над её следующим вдохом.

– Кэйн... – её шепот сорвался на хрип, в котором мольба переплеталась с просьбой.

Но я не ослаблял хватку. Каждый толчок отдавался в моем теле электрическим разрядом, а в черепе набатом била одна-единственная мысль: «Ещё. Глубже. До конца». Через этот сумасшедший ритм, через трение тел и запах пота я выплескивал всё: горечь по убитой матери, ярость из-за смерти отца, ненависть к собственной крови.

Стелла стонала – то низко, утробно, то срываясь на пронзительный крик, – но её тело лишь плотнее прижималось к моему, требуя этой жестокой близости. Я балансировал на самом

краю пропасти, там, где контроль превращается в прах. В этом хаосе движений и обжигающем тепле её кожи я чувствовал, как рушатся мои последние внутренние крепости.

В последний миг я замер, впиваясь взглядом в её лицо. В её глазах больше не осталось места для привычной игры, кокетства или вызова – только голый, неоправленный шок и чистое удивление. Стелла привыкла к другим правилам: к мягким ласкам, долгим прелюдиям и осторожности, граничащей с нежностью. Но я не сдерживался. Я был груб, предсказуемо яростен и не сделал ни шага навстречу её ожиданиям.

Отстранившись, я рывком привел одежду в порядок, ни разу не взглянув в её сторону. Я просто развернулся и ушел в душ, оставив её одну в развороченном кресле – растерянную, взъерошенную, с расширенными зрачками и дрожащими губами.

В комнате повисла тяжелая тишина, которую разрезало лишь её прерывистое, надломленное дыхание.

Когда я вышел, окутанный паром и запахом мыла, она уже стояла у окна. Её силуэт четко проступал в мертвенно-бледном свете уличных фонарей; руки были плотно скрещены на груди, словно она пыталась закрыться от меня.

– Почему не ушла? – сухо бросил я.

Я подошел к столу, налил воды из графина и сделал жадный глоток, изо всех сил стараясь не смотреть в её сторону. Стекло стакана казалось неестественно холодным.

– Ты стал странным, Кэйн, – проговорила она, не оборачиваясь. Её голос звучал глухо, отражаясь от оконного стекла. – Раньше ты был другим.

Я лишь пожал плечами и поставил стакан на стол. Стук получился слишком громким, резонирующим в пустоте квартиры.

– Все мы когда-то были другими, – мой голос был ровным и безжизненным, как гранит. – Я предупреждал тебя, Стелла. Ты сама напросилась на это.

Она медленно повернулась, и в её взгляде я уловил новую эмоцию – не обиду, которую ожидал, а горькое, почти похоронное понимание.

– Значит, вот так теперь? – тихо спросила она. – Никаких объяснений? Никаких извинений?

– Извиняться не за что, – отрезал я, чувствуя, как внутри снова закипает глухое раздражение. – Ты знала, на что идешь. Ты знала, кто я.

– Почему ты так холоден? Что в тебе сломалось, Кэйн? – её голос дрогнул, но она упрямо вздернула подбородок.

Я резко развернулся к ней, сжимая кулаки до хруста в суставах. Злость поднималась из самой глубины, вытесняя остатки вины.

– Стелла, чего ты от меня ждешь? Ласки? Букетов и дешевой романтики под луной? – я коротко, зло усмехнулся. В этом звуке не было ни капли веселья, только лязг металла. – Посмотри на меня. Я грёбанный мутант. Я сотворен, чтобы выполнять одну-единственную задачу. И я её выполняю. Всё остальное – лишний шум.

Она сделала шаг навстречу, сокращая и без того опасную дистанцию, но я рефлекторно отступил, увеличивая пропасть между нами.

– Найди себе другого дурака, который будет петь тебе сопливые серенады, – бросил я, и в моем голосе был только стержень. – Я предупреждал тебя с самого начала: не жди от меня любви. Ты приняла эти условия. Так какого черта ты требуешь теперь?

– Я требую хотя бы капли тепла! – выдохнула она, и этот шепот ударил меня сильнее любого кулака. – Хотя бы намек на то, что я для тебя – не просто случайная связь, не способ сбросить напряжение после охоты.

Я промолчал. Слова застряли в горле колючей проволокой.

– Стелла, мы охотники, – наконец произнес я, чеканя каждое слово. – Тепло и нежность – это балласт. Они не про нас. Каждый день он как последний.

– С чего ты это взял?! – взорвалась она, резко развернувшись ко мне. В её глазах, обычно теплых и мягких, сейчас полыхал пожар. – Мы люди, Кэйн! И мы имеем право чувствовать! Ты хоть раз ... хоть один чертов раз пытался посмотреть на меня как на девушку, а не как на напарницу по стрельбе?

По её щеке, медленно и мучительно, скатилась одинокая слеза. Внутри меня что-то надсадно хрустнуло, как старая кость.

– Стелла... – я тяжело вздохнул, чувствуя, как горечь затопляет легкие. – Я не могу.

– Почему? Почему нет? – её голос дрожал от невыносимой смеси обиды и ярости.

– Потому что я не человек, Стелла! – я сорвался на крик, и мой голос эхом отразился от голых стен. – Посмотри в мои глаза!

Я шагнул к ней вплотную, прежде чем она успела отпрянуть. Схватил её за кисти рук – мои пальцы, холодные и твердые, сомкнулись на её запястьях, как наручники – и притянул к себе.

– Посмотри на них! Ну же! Разве я похож на человека?

Стелла испуганно вскинула голову. В её взгляде я прочитал всё: первобытный страх, недоумение и ту самую искру, которую так ненавидел в себе.

– Вот и я об этом же, – тихо, почти беззвучно произнес я, выпуская её руки.

Она вздрогнула, отступая на шаг, но тут же выпрямилась, вскинув подбородок с упрямством приговоренного.

– Ты никогда не смотришь мне в глаза, Стелла... О чем тогда вообще речь? – прошептал я, и в этом шепоте просочилась вся моя многолетняя боль. – За два года ты хоть раз посмотрела в них с той нежностью, которую сейчас просишь? Нет. Ты избегаешь моего взгляда. Ловишь его лишь мимолетно, когда думаешь, что я не замечу. Ты боишься меня. Боишься этой красной бездны, но при этом жаждешь близости. Приходишь в мою постель, а потом сбегаешь. Определись уже, чего в тебе больше – страха или нужды!

Она замерла, словно я ударил её наотмашь. В её глазах вспыхнула горечь, такая густая, что её можно было потрогать.

– Боюсь? – переспросила она, и её смех был похож на хруст битого стекла. – Я не тебя боюсь, Кэйн. Я боюсь того, что ты делаешь со мной. Ты то подпускаешь меня так близко, что я чувствую твое сердце, то отталкиваешь с такой силой, что я едва держусь на ногах. Ты ломаешь меня, и тебе это, кажется, нравится.

Я сжал кулаки так, что суставы побелели, пытаясь укротить внутренний шторм.

– Я не играю в эти игры, Стелла, – мой голос прозвучал глухо, будто из-под земли. – Я такой, какой есть. И если это не то, что тебе нужно...

– Но я хочу, чтобы это было то, что мне нужно! – перебила она, и в её крике прорвалось всё отчаяние последних месяцев. – Я хочу верить, что за этой стальной броней осталось хоть что-то живое! Что ты способен быть кем-то большим, чем просто цепной пес на охоте! Закрывать в себе эту суть хищника.

– Я не могу! – я сорвался, словно сорванная с петель дверь. Слова вылетали из меня резкие, рваные, хриплые. – Сколько, черт возьми, раз мне повторить? Тебе не понять моих ощущений! Я не человек, Стелла! Это не закрыть за стальной дверью.

Я с силой ткнул пальцем себе в грудь, чувствуя, как там, под ребрами, всё полыхает черным огнем.

– Здесь всё работает иначе! Мой пульс, мои мысли, мой голод... Сколько еще раз мне нужно вскрыть себя перед тобой, чтобы ты поняла?

Она замолчала. Её взгляд – пронзительный, почти осязаемый – сверлил меня насквозь. Она искала трещину в моей защите, искала человека за этой кровавой пеленой моих слов. Но я не дал ей этого шанса.

– Ты либо принимаешь это, – я с трудом сглотнул, пытаюсь унять предательскую дрожь в голосе, – либо уходи. Прямо сейчас.

Стелла не проронила ни звука. Медленно, будто каждое движение причиняло ей физическую боль, она наклонилась и подняла с пола свое белье. Не глядя на меня, не оборачиваясь, она вышла. Грохот захлопнувшейся двери отозвался в моей голове пушечным выстрелом.

Я опустил голову, тяжело вдыхая остывающий воздух комнаты. В висках стучало, мысли путались в ядовитый клубок, а ярость, густая и темная, сжимала горло железной хваткой. Мне нужно было выплеснуть это. Сейчас же.

Резким движением я встряхнул головой, отгоняя остатки наваждения. Рука сама нашла рукоять клинка на столе – холодный, надежный металл отозвался привычной тяжестью, будто приветствуя старого друга.

– Если я сейчас не пушу кому-нибудь кровь, – процедил я сквозь зубы, чувствуя, как мир вокруг начинает окрашиваться в багровые тона, – моя башка просто лопнет.

Я шагнул в ночь. Охота началась снова.

Впереди разверзлась пасть ночного города – лабиринт из чернеющих силуэтов и глухих переулков. Я шагнул в эту тьму как в родную стихию; там, в тенях, меня ждал враг, на котором я собирался выместить всё: и ярость, и горечь, и ту непонятную пустоту, что жгла грудь после ухода Стеллы.

Я блуждал по самым гнилым закуткам, пока не заметил её. Среди серого бетона и зловонной мглы она возникла как редкое, почти кошунственное пятно. Невесомая, пугающе нереальная, она не шла, а словно скользила над асфальтом. Её черные волосы густым водопадом спускались по плечам, развеваясь на ледяном ветру, точно шелковые ленты. Тонкое алое полупрозрачное платье, вызывающе яркое для этого часа, струилось по телу, подчеркивая каждый изгиб и едва слышно шелестя при каждом шаге. Она двигалась на высоких шпильках с грацией хищницы, вышедшей на променады, – плавно и уверенно, будто исполняла сольный танец. С её губ слетала тихая, едва уловимая мелодия, которая странным образом перекрывала гул спящего мегаполиса. На мгновение я замер, полностью дезориентированный этим видением. Ярость отступила, сменившись опасным оцепенением.

Я последовал за ней, превратившись в тень. Шаг за шагом, стараясь не тревожить воздух, я сокращал дистанцию, ведомый её странным напевом. Но вдруг музыка оборвалась.

Она резко замерла посреди пустой улицы. Её голова чуть качнулась вбок – она не просто прислушивалась, она считывала пространство: запахи, вибрации, малейшее колебание эфира. Я инстинктивно нырнул за угол старого магазинчика, вжался плечом в холодный кирпич и затаил дыхание, боясь выдать себя даже стуком сердца.

Но в тот же миг реальность перевернулась.

– Следишь за мной, охотник? – обжигающий шепот раздался не издалека, а прямо у самого моего уха.

Реакция сработала раньше мысли: я резко рванул руку с клинком, намереваясь нанести удар наотмашь, но она была очень быстрой. Одним плавным, почти ленивым движением она перехватила мое запястье. Короткий рывок – и мою руку с сокрушительной силой впечатало в стену. Серебряный клинок со звоном отлетел в сторону, затерявшись в мусоре.

Я поднял взгляд и оцепенел. Лицо незнакомки казалось отлитым из драгоценного фарфора: безупречно бледное, с тонкими, аристократичными чертами, напоминающими работу великого мастера. Она была ослепительно красива, но эту красоту перечеркивал первобытный ужас, застывший в её глазах. Ало-красные глаза, ярче её платья, они горели во тьме, как два раскаленных угля, в которых отражалась моя собственная смерть.

Она расплылась в хищной, томительной улыбке, разглядывая меня, словно редкое насекомое, попавшее в коллекцию. Склонившись ниже, она почти коснулась своим лицом моего, глядя в расширенные зрачки.

– Ты... не человек, – выдохнула она, и в то же мгновение её забава сменилась ледяным любопытством.

Резким, неуловимым движением она полоснула острым когтем по моей щеке. Боль была тонкой, как укол иглы, но из раны тут же выступила горячая влага. Она поднесла испачканный палец к своим губам и медленно, с почти интимным наслаждением, слизала каплю моей крови.

Я замер, пригвожденный к стене от неведомой силы.

– На вкус – человек, – задумчиво протянула она, пробуя слова на языке. – Так кто же ты, маленькая ошибка природы?

– Я – твоя смерть, – прошипел я сквозь зубы и, собрав остатки воли, оттолкнул её от себя со всей силой.

Она мгновенно, по-кошачьи, отпрянула назад и расхохоталась. Смех был звонким, мелодичным и совершенно безумным.

– Забавный ты, – она склонила голову набок, не сводя с меня пылающих глаз. – И опасный. Мне чертовски интересно, на что еще способна эта помесь.

Её глаза вспыхнули алым заревом, а губы разошлись в широком оскале, обнажая острые, идеально белые клыки.

– Какое противоречие... Глаза истинного вампира, а кровь – человеческая, теплая, – она принялась расхаживать вокруг меня кругами, пока я осторожно пятился к брошенному клинку.

Она будто забыла о моем присутствии, рассуждая вслух, смакуя детали моей аномалии. Но стоило моим пальцам коснуться холодной, спасительной рукояти серебра, как её взгляд мгновенно пригвоздил меня к месту.

– Так-так... – хищно прошептала она. – Значит, ты и есть тот самый «незавершенный»? Ритуальный охотник?

Я не стал дожидаться продолжения. Рванулся вперед, вкладывая в этот выпад всю накопленную за ночь ярость. Воздух зазвенел. Но она лишь лениво повела плечом – движение было настолько скупым, что казалось, будто она не шевелится вовсе. Мой клинок вошел ей в грудь, чуть ниже сердца.

Она лишь слегка вздрогнула. На её фарфоровом лице не отразилось ни тени боли, ни капли страха. Мир вокруг меня вдруг перевернулся: быстрым, стальным захватом она перехватила мою руку и с необузданной силой швырнула в сторону. Я пролетел несколько метров и с грохотом врезался в мусорные баки, опрокинув их и погрузившись в вонючую темноту переулка.

– М-да, с девушками тебя обращаться явно не учили, – донесся её насмешливый, кристально чистый голос из глубины переулка.

Я тряхнул головой, пытаюсь вырваться из оглушающего звона в ушах. Мои глаза расширились от недоумения: её плоть даже не задымилась, серебро не вызвало того мучительного шипения, которое обычно превращает вампиров в вопящие куски мяса. Она стояла там, где я её ударил, и рана на её груди казалась лишь досадной зацепкой на дорогой ткани, не опаснее царапины от простой стали.

– Кто ты такая? – прорычал я, с трудом отрываясь от земли. Кости протестующе хрустнули. Я нащупал рукоять клинка среди обломков и баклажек, вырывая его из мусора, как последнюю надежду.

Она лишь одарив меня лучезарной, почти невинной улыбкой.

– Я – Изи, – бросила она легко, будто представлялась на светском рауте.

И, не дожидаясь ответа, она крутанулась на шпильках, продолжая свой путь. Её бедра плавно покачивались в такт той самой мелодии, которую она снова начала напевать, словно секунду назад не впечатала взрослого мужчину в стену.

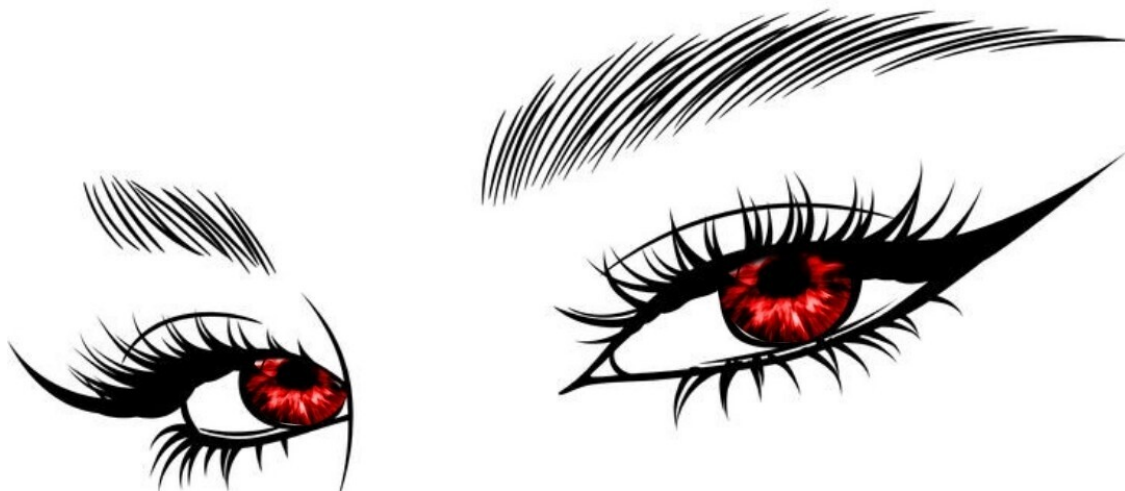
Я замер, ловя ртом воздух, и смотрел ей вслед, пока алое пятно её платья не растворилось в ночном тумане. В голове набатом бился один вопрос: «Что это, черт возьми, было?»

Эта пугающая легкость, эта беззаботность после вспышки насилия... Если серебро не обожгло её, значит, она не из тех тварей, на которых я охочусь всю жизнь. Но кто тогда? Какое существо способно обладать такой чудовищной силой и при этом вести себя столь... непридуманно?

Я коснулся лица, чувствуя жжение. На пальцах осталась свежая кровь из глубокой царапины, оставленной её когтем. Весь мой опыт, все инструкции отца и привычные схемы охоты рассыпались в прах. Впервые за долгие годы я ощутил не привычный прилив ярости, а ледяной укол удивления и... странный, болезненный узел интереса где-то под ребрами.

Она знала про ритуал. Она знала, кто я. И она оставила меня в живых просто потому, что я показался ей «забавным».

Глава 8

Изи

Я переступила порог, и тяжелые створки из мореного дуба захлопнулись за спиной с глухим, окончательным звуком, похожим на удар крышки гроба. Я шла по бесконечным анфиладам залов, которые в прошлой, почти забытой жизни называла своим домом. Но внутри, в самой глубине груди, где когда-то билось живое сердце, не ёкнуло ни разу. Не было ни сладкой ностальгии, ни жгучей боли – лишь ледяная пустота.

Здесь всё до тошноты пропиталось пылью веков и тем специфическим, застарелым пафосом, который так любят древние роды.

Воздух казался густым и неподвижным, словно застывший кисель, в котором завязли отголоски чьих-то криков и тихий звон хрустальных кубков. Вдоль стен выстроились рыцарские доспехи – пустые стальные скорлупы, чьи забрала теперь казались мне немymi свидетелями моего позора.

Сводчатые потолки терялись в непроглядной тени, а под ногами расстилались ковры, чей ворс когда-то был ярко-алым, но теперь выцвел до цвета запекшейся, несвежей крови. На стенах в золоченых рамах замерли мои предки – величественные, заносчивые мертвецы с одинаково холодными глазами. Они смотрели на меня с нескрываемым презрением, словно чувствовали, что я больше не принадлежу их миру «чистой крови».

В этом замке время не просто остановилось – оно сгнило. Каждый канделябр, каждая трещина на мраморной лестнице кричали о превосходстве, которого больше не существовало. Я чувствовала, как этот дом пытается подчинить меня своей воле, заставить склонить голову перед величием готики.

Огромные створки тронного зала разошлись передо мной с протяжным стоном несмазанных петель. Не устаивая взглядом застывших в тених гвардейцев и запыленные гобелены, я направилась напрямиком к возвышению, где в полумраке восседал тот, кто считал себя венцом творения.

Я остановилась всего в паре шагов от этого нелепого гранитного трона.

– Здравствуй, отец, – бросила я. Мой голос звучал мягко, почти по-детски, но я знала: яд в моих словах он почувствует сразу.

Я медленно обернулась, картинно морща нос. Копоть от факелов, веками въедавшаяся в лепнину, вызывала у меня лишь брезгливость.

– Гляжу, прогресс обходит это место стороной? Ты даже элементарными машинами не обзавелся, папа. Всё те же пыльные углы и средневековый пафос. Скучно.

Мой смех – резкий, звонкий, с привкусом того самого безумия, которое подарило мне воскрешение – взлетел к высоким сводам и рассыпался по залу ледяным крошевом.

– Вы всё еще цепляетесь за прошлый век... Рюши, парча, нелепые камзолы. Пора признать, папочка: это безнадежно вышло из моды. Сейчас в тренде строгие линии, минимализм и функциональность. А вы, – я небрежно обвела рукой застывших в тених аристократов, – вы просто кучка теней, вцепившихся в древнее барахло. Пытаетесь сойти за великих господ, а со стороны выглядите как моль, пирующая в антикварной лавке, которая вот-вот развалится.

– Изи! – его голос, тяжелый, как надгробная плита, ударил по ушам. Воздух в зале мгновенно заледенел, пропитавшись его властью. – Хватит паясничать. Где ты пропадала пять лет после того, как... тебя вернули?

– То здесь, то там, – я неопределенно махнула рукой в сторону витражей и с преувеличенным интересом принялась изучать свой свежий маникюр. – Мир огромный, папа, и в нем куда веселее, чем в этом склепе.

– К тому же, ты ведь ни разу не соизволил явиться лично, чтобы проверить, насколько удачно меня воскресили, – я сделала шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума, игнорируя рычание гвардейцев в тених. – А ведь я была твоей самой любимой дочерью, папа. Помнишь? Золотая девочка, надежда клана... И что же получается теперь? Стоило мне один раз «сломаться», и я перестала быть достойной твоего драгоценного времени? Тебе было плевать, каково мне жить с этим новым, чужеродным пульсом в венах.

– Я посылал за тобой сыновей! – в его голосе прорезался гнев. – Своих лучших людей, верных клятве крови!

– Мог бы и сам заглянуть, – я резко оборвала его, вскинув глаза. В них на мгновение вспыхнул алый, нечеловеческий огонь. – Ах, да. Я и забыла. Ты же у нас слишком велик, чтобы «появляться на людях».

Отец пропустил шпильку мимо ушей, но его лицо окаменело.

– Раз уж тебя вернули в этот мир, ты должна жить здесь, под моим присмотром. Своими выходками ты ставишь нас всех под удар.

– А что не так? – я всплеснула руками, и мой голос перешел в опасное шипение. – Возможно, тебе не доложили, отец, но я уже не та Изи, которую ты привык видеть в розовых платьях. Мне плевать на ваши законы и ваше мнение. Оставь свои нотации тем, кто так много лет готовил мое воскрешение. Я не просила этой жизни! Если тебе так не нравится мое поведение – верни мне покой. Просто убей меня.

– Тебя нельзя убить, Изи, – глухо отозвался он.

– Да как это нельзя? Оторви мне голову! Не буду же я, как курица, бегать тут по залу без головы, – я шагнула ближе, в упор глядя на него.

– Я не могу, – он опустил голову, и в этом жесте впервые промелькнула слабость. – Ты моя единственная дочь.

– Отец, посмотри на меня! – я почти выкрикнула это. – Я не та, кого ты оплакивал! Это тело – чужое!

– Нет, Изи...

– В таком случае – отстань! Я сама решу, как мне жить.

– В городе орудуют охотники, – его голос снова обрел сталь. – Они истребляют наших.

– Ой, да знаю я... – я легкомысленно отмахнулась. – Вялые они, как прошлогодние огурцы. Правда, один попался шустрый, но слабоват пока. Вон, видал? – я указала на дыру в своем алом шелке. – Такой наряд испортил, скотина... Я ему это еще припомню. Но глаза... глаза у него красивые. Алые. Прямо как мне нравится.

Отец буквально вскочил с трона.

– Держись от него подальше! Если передумала подышать по-настоящему, не смей крутиться рядом с ним. Уходи с его дороги немедленно!

– А что такого? – я прищурилась, чувствуя, как внутри разгорается азарт. – Обычный охотник. Ну, глаза красные, подумашь.

– Это помесь, Изи! – рявкнул он, и его голос громом раскатился под сводами, заставив пламя факелов присесть до самого пола. – Человек и вампир в одном флаконе. Никто не знает, какой силой он обладает на самом деле...

Он подался вперед, вцепившись костлявыми пальцами в подлокотники так, что камень хрустнул.

– Он сотворён не для жизни, Изи. Он сотворён для того, чтобы убивать нас. Каждую клетку его тела программировали на нашу гибель.

Слова отца подействовали на меня как лучший наркотик. Запретный плод всегда был моим любимым лакомством. Мне до безумия захотелось понять, на что же на самом деле способен этот странный «мутант» с печальными красными глазами.

– Да ничего он не умеет, – бросила я отцу, не скрывая разочарования. – Я отшвырнула его, как пустую жестянку. Он даже не сопротивлялся – только и делал, что хлопал своими красивыми глазами, только платье попортил. Ни драки, ни азарта. Скукотища.

Я раздраженно дернула плечом, давая понять, что тема закрыта.

– Всё, хватит. Повидались – и будет. Я хочу отдохнуть, день выдался на редкость паршивым. Эти девки в городе... Господи, как они визжат! У меня чуть кровь из ушей не пошла. Раньше люди были хотя бы выдержанными, а сейчас – чуть что, сразу ультразвуковой писк на всю улицу. Хоть бы одна в ступор впала для разнообразия.

– Ты убила Изаниса, Изи... – проговорил он, и в его голосе впервые прорезалась не ярость, а какая-то дряхлая, немощная горечь.

– И что? Тебе вдруг стало его жалко? – я вскинула подбородок, чувствуя, как внутри закипает ледяная ярость.

– Изи, вы же любили друг друга, – он смотрел на меня так, будто я была поломанной куклой. – Я дал обещание, что ты станешь его женой. Мы ждали этого союза веками.

– Это было в прошлой жизни! – я резко махнула рукой, обрывая его сентиментальный бред. – Я умерла, если ты забыл. И ты сам же избавился от моего тела в тот же чертов день. Вот она – вся твоя «любовь», отец. Ты выкинул меня, как битый хлам, как бракованную деталь своего великого плана.

Я сделала шаг к трону, и мой голос сорвался на рычание:

– Тело матери два года лежало в хрустальном гробу в подвалах. Ты спускался к ней каждый день, менял цветы, шептал ей сказки! А что же я? Твоя «любимица»? Меня ты сжег, как какой-то мусор! Изанис... – я запнулась, вспоминая его лицо, – он мог бы воскресить меня в моем собственном теле. Его магия крови могла заставить мое сердце забиться снова. Я была бы сейчас той, кем была. Живой. Настоящей.

Я рявкнула так, что в витражах звякнули стекла:

– Но нет! Ты лишил меня этого шанса. Меня воскресили без моего согласия, вскрыв мою могилу и засунув остатки сознания в это... высокотехнологичное месиво. Я уже привыкла к той темноте, я научилась принимать покой смерти! А теперь я здесь, в черти пойми каком теле, в котором вместо чувств – микросхемы и холодный расчет. Поэтому он заслужил свою участь. Изанис был частью твоего старого мира, папа. Он мне больше не нужен. Мне вообще больше никто из вас не нужен.

Я видела, как он побледнел, как его пальцы судорожно впились в гранит.

Отец попытался что-то сказать, его голос дрогнул от невысказанной нежности, но я пресекла это на корню.

– Довольно, отец! – я резко вскинула руку, обрывая его на полуслове властным жестом.

В этом движении не было прежней покорности, только холодная решимость. Я сделала шаг вперед, и мой голос, ставший пугающе твердым, заполнил пространство мрачного зала:

– Отныне я – единственная хозяйка своей судьбы. Это тело принадлежит мне, и только мне, как и каждая секунда моей новой жизни. Твои правила здесь больше не действуют.

Я прищурилась, и в моих алых глазах вспыхнул опасный огонек. Голос понизился до ледяного шепота, от которого по стенам, казалось, пополз иней:

– Предупреждаю один-единственный раз: пришлешь за мной еще хоть одну свою ищейку – я лично откручу им головы и пришлю тебе в качестве сувенира. Не смей беспокоить меня без чертовски веского повода. Тебе ясно?!

Не дожидаясь ответа и не желая видеть его застывшее, словно маска, лицо, я стремительно развернулась. Мои каблукы выбивали яростный, чеканный ритм по каменным плитам пола. Я уходила прочь от этого душного величия, от чужих ожиданий и призраков прошлого, которые больше не имели надо мной власти.

За дверями меня ждал ночной город, и я собиралась взять от него всё.

– Сестра... – голос Эреша прозвучал как скрежет металла, когда он преградил мне путь к выходу из этого душного склепа, который отец называл домом. – Соизволь уделить время брату. Мы, как-никак, целое столетие не виделись. К тому же, тебе явно не помешает тренировка. Твое новое тело выглядит... дряблым.

Я почувствовала, как внутри закипает холодная ярость.

– Я могу этими «дряхлыми» руками свернуть тебе шею, братец, – прошипела я, сузив глаза. – Хочешь проверить?

Эреш лишь хищно оскалился. Он не стал ждать ответа – одним смазанным, молниеносным движением он сократил разделявшее нас расстояние. Прежде чем я успела вскинуть руки для удара, он жестко перехватил мои запястья и рывком завел их за спину, вжимая меня в холодную стену. Захват был стальным, профессиональным.

– Я пью кровь животных, сестра, – его шепот обжег мое ухо, в нем сквозило ледяное превосходство. – Но ответь мне: почему тогда я всё равно сильнее тебя?

Я дернулась, пытаюсь вырваться, но он лишь крепче сжал пальцы, демонстрируя, что мое «новое тело» пока лишь красивая оболочка, не готовая к настоящей схватке с древним вампиром.

– Твои ментальные фокусы и дерзкие взоры – этого слишком мало, Изи, – Эреш разжал хватку, но в его глазах всё еще горело ледяное превосходство. – Тебе нужна настоящая закалка, а не эта клоунада. Пошли за мной.

Он развернулся, не сомневаясь, что я последую за ним. Его уверенность бесила, но азарт внутри меня перевесил гордость.

– И так, чем ты хочешь со мной поделиться, братец? – я с кошачьей грацией раскинулась на жесткой деревянной лавке, словно на шелковых простынях.

С дерзким вызовом я вытянула свои превосходные, бесконечно длинные ноги, позволяя алому шелку платья бесстыдно задраться почти до бедер.

– Убери это! Живо! – Эреш тут же грубо пнул меня по лодыжкам, заставляя сесть ровно. – Я твой брат, а не очередной кандидат в любовники. Имей совесть.

– А что такого? – я лишь невинно захлопала ресницами, хотя внутри всё клокотало от смеха. – Я всего лишь сижу, мне так удобно. Неужели тебя так легко смутить, великий воин?

Он не ответил, лишь просверлил меня тяжелым, полным затаенной злобы взглядом. В тишине зала его голос прозвучал на удивление глухо и честно:

– Я был напуган, Изи... Напуган, когда ты открыла глаза и встала из того гроба. Изанис годами выедал мне мозг, умоляя помочь ему с ритуалом. Его одержимость не угасала целый век. Я, дурак, поверил, что ваша любовь настолько сильна, что сможет преодолеть саму смерть. Думал, ты вернешься прежней, пусть и в другом «сосуде».

Он резко вскинул руку и ткнул в меня обвиняющим пальцем, его голос сорвался на рычание:

– Но посмотри на себя! Ты – дикая. Ты – полная противоположность той сестре, которую я знал и... защищал. Раньше ты была слишком похожа на человека, бесила весь клан своей нежностью, этой нелепой безмятежностью. На фоне наших кроваво-красных знамен и черного камня ты вечно маячила розовым бельмом в своих дурацких платьях. А что сейчас? Ты стала такой же, как мы. Даже хуже. Ты стала воплощением того, чего мы сами в себе боимся. Ты стала... злой.

Я слушала его, и на моих губах расцветала холодная, ядовитая улыбка.

– Да ты просто завидуешь мне, Эреш, – я с деланным безразличием закатила глаза и вызывающе сложила руки на своей пышной груди, подчеркивая каждый изгиб нового тела. – Признай это, братец. Ты всю свою бесконечную жизнь втайне мечтал о такой свободе, какая есть у меня.

Я подалась вперед, и мой голос приобрел вкрадчивые, ядовитые нотки.

– Что толку от ваших благородных диет? Кровь животных... – я поморщилась, словно от запаха гнили. – Она же пресная, в ней нет ни искры жизни, ни того дикого драйва, который

дает человеческая. Я вообще не понимаю, как я раньше могла давиться этой бурдой и называть её «любовью».

Я коротко и зло рассмеялась, видя, как на его шее вздулась вена от сдерживаемого гнева.

– От человеческой крови у тебя окончательно снесет крышу, Изи! – Эреш почти сорвался на крик, его лицо исказилось от смеси ярости и беспокойства. – Ты не понимаешь, во что превращаешься!

– Ой, да знаю я, знаю, – я лениво накрутила черный локон на палец, разглядывая его с таким видом, будто это была самая важная вещь в мире. – Завидуй молча, ладно? Если хочешь, я могу тебе втайне принести пакетик... настоящий, «живой» крови. Попробуешь, каково это – чувствовать огонь в жилах, а не болотную жижу.

Я сделала театральную паузу и сокрушенно цокнула языком, изображая притворный испуг:

– Ах, нет... забыла! Твои глазки сразу меняют цвет, и папа устроит тебе взбучку. Папа накажет, – я едва сдерживала приступ веселья, глядя, как желтые глаза брата начинают опасно вибрировать от гнева.

Я рывком поднялась с лавки, поправляя подол алого платья, которое едва прикрывало мои бедра.

– Ну давай, выкладывай, чего ты там хотел мне показать? Показывай свои фокусы, и я пойду. У меня дела, и, честно говоря, я проголодалась. Этот твой замок нагоняет на меня тоску и зверский аппетит.

Эреш молчал, но воздух вокруг него, казалось, стал густым и тяжелым. Он медленно направился к центру тренировочной площадки, где на стойках висело оружие, которое не видело крови уже добрую сотню лет.

– Ты что, серьезно хочешь драться прямо сейчас? – я картинно выгнула бровь, окинув взглядом свои голые плечи и подол. – На мне же платье, братец! Ты хоть представляешь, сколько оно стоит?

– Вставай, Изи, – отрезал Эреш, проигнорировав мой выпад. Его голос стал сухим и жестким. – Мне плевать на твой наряд. Если ты собралась гулять по городу, ты должна уметь убивать в чем угодно.

Я пренебрежительно пожала плечами, но внутри всё подобралось. Медленно, смакуя каждое движение, я вышла в центр зала. Встала в безупречную боевую стойку – ту самую, которой он сам муштровал меня десятилетиями до моей смерти. Центр тяжести смещен, колени чуть согнуты, руки готовы к молниеносному выпад.

Эреш замер на мгновение, а потом его хохот, сухой и колючий, заполнил всё пространство тренировочного зала.

– Боже, Изи... выглядишь убого, – выдавил он сквозь смех, в котором не было ни капли веселья. – Тебе уже не пятьдесят лет, и ты не та хрупкая принцесса. Эта стойка безнадежно устарела. Она для тех, кто боится испачкать руки, а не для хищника.

– А что не так-то? – я сузила глаза, чувствуя, как в кончиках пальцев начинает пульсировать ярость. – Сам же меня так учил! «Держи спину, Изи», «сведи за локтями, Изи»... Теперь это вдруг стало «убогим»?

– Мир изменился, – он медленно начал обходить меня по кругу, как волк овцу. – И охотники, вроде того красноглазого, не будут ждать, пока ты красиво выставишь ножку. Они просто пережуют тебе горло.

Он внезапно замахнулся, проверяя мою реакцию, и я инстинктивно дернулась, едва не запутавшись в собственном подоле.

Эреш не стал тратить время на споры. Он лишь коротко качнул головой, и в его глазах блеснула холодная решимость. Одним слитным движением он выхватил с полки тяжелый кли-

нок и, превратившись в едва различимое косматое пятно, метнулся ко мне. Воздух свистнул у самых моих ног.

Я едва успела отпрянуть, чувствуя, как лезвие обдало кожу ледяным холодом. Секунда – и мой роскошный алый подол, срезанный идеально ровно, отлетел в сторону, обнажая мои бедра.

– Эй! Ты что творишь, урод?! – взвизгнула я, едва не споткнувшись от неожиданности. – Это же новая коллекция! Я её только вчера купила!

– Плевать, – бросил он, даже не замедляясь. Его голос звучал глухо, как из-под земли. – Украдешь еще десять таких, если выживешь.

– Я не крада, я купила! Ты – сволочь, Эреш! – я задохнулась от возмущения, но времени на оскорбления не осталось.

Брат превратился в смертоносный вихрь. Он метался вокруг меня, нанося выпад за выпадом. Сталь пела в сантиметрах от моего лица, шеи, живота. Я едва успевала реагировать, используя свою новую вампирскую скорость: мир вокруг замедлялся, и я уходила с линии атаки резкими, ломаными прыжками, едва касаясь носками пола.

– Изи, хватит танцевать! – рявкнул он, снова сокращая дистанцию. – Ты должна драться, а не бегать! Нападай, если в тебе осталось хоть капля большей смелости, чем в комнатной собачке!

Его клинок снова прочертил дугу, едва не задев мое плечо. Я чувствовала, как азарт и ярость начинают вытеснять обиду за испорченное платье. В кончиках пальцев закололо, а мир в моих глазах начал окрашиваться в багровые тона.

Я не стала больше уворачиваться. В тот миг, когда его клинок снова должен был рассечь воздух рядом с моим плечом, я просто... перестала бегать.

Резким, стальным захватом я перехватила его кисть. Мои пальцы сомкнулись на его запястье с такой чудовищной силой, что кости под кожей отчетливо и сухо хрустнули. Эреш даже не успел осознать, что произошло – его глаза расширились от шока, а пальцы невольно разжались, выпуская оружие.

Я не дала ему опомниться. Одним коротким, мощным рывком я швырнула брата в сторону, как надоевшую игрушку. Он пролетел добрых пять метров, с глухим ударом врезался в каменную стену и медленно осел на пол. Его взгляд, полный неподдельного ужаса и неверия, замер на мне.

– Эреш, ты так и не понял? – я медленно направилась к нему, игнорируя обрывки своего некогда роскошного платья. – Я пью кровь людей. Живую, горячую, пульсирующую кровь. Во мне сейчас силы в десять раз больше, чем во всех твоих «правильных» диетах вместе взятых.

Я остановилась прямо перед ним, глядя сверху вниз на своего некогда всемогущего наставника.

– Да, возможно, я пока не так опытна в бою, как ты. Но я далеко не так плоха, как ты отчаянно пытаешься доказать сам себе.

Эреш медленно поднялся, прижимая поврежденную руку к груди, но вопреки боли на его лице расцвела хищная, почти гордая улыбка. В его глазах вспыхнул азарт истинного воина, признавшего в противнике равного.

– Отлично, – прохрипел он, поправляя вывихнутое запястье с сухим щелчком. – Тогда жду тебя завтра в нашем месте. Будем наверстывать твою дисциплину. Я не позволю ни одному вшивому охотнику лишить тебя жизни... по крайней мере, пока ты сама этого не захочешь, – в его взгляде промелькнуло блаженство.

– Идет! – тут же отозвалась я, и в моем голосе проскользнули прежние задорные нотки. Но стоило ему развернуться, чтобы уйти, как я добавила, ехидно прищурившись:

– Но... забудь про это пыльное кладбище и свои душные залы, Эреш. Приходи завтра в «Стейк-бар» на центральной улице. Там в подвальном помещении есть отличное место для нелегальных боев. Я не собираюсь больше крутиться среди надгробий и вдыхать вековую вонь.

Я подошла к нему почти вплотную, игнорируя его ошеломленный вид, и шепнула прямо в лицо:

– Новый век – новые возможности, братец.

Глава 9

Кейн

Ночь была моей стихией, но сегодня она не принесла удовлетворения. Я бродил по истерзанному туманом лесам и заброшенным окраинам города до самого рассвета, методично выслеживая ту самую вампиршу. Её след – сладкий, с ароматом розы и морозной мяты – то и дело терялся среди запахов гниющей листвы и городского смога.

Вместо неё мне попадался лишь обычный молодняк. Неопытные, самовлюбленные юнцы, которые едва научились клыками вскрывать вены, но уже возомнили себя хозяевами ночи. Они выскакивали из теней, пытаясь напугать меня своим фальшивым рычанием, но стоило мне лишь на секунду сфокусировать на них взгляд своих алых глаз, как их самоуверенность сменялась первобытным ужасом.

Я вернулся в наш временный домик на окраине города лишь тогда, когда небо на востоке начало наливаться свинцовым светом предрассветного часа. Дверь скрипнула, впуская меня в прохладу прихожей.

– Ты опоздал, – голос Вейна разрезал тишину штаба, вырывая меня из оцепенения.

Вейн не оборачивался, но по его напряженной спине я понял – добрых вестей не будет.

– Знаю. Ночь выдалась дерьмовой, – бросил я, проходя к столу.

– Она у всех здесь дерьмовая, Кейн, – прошипела Стелла. Она даже не удостоила меня взглядом, неистово вонзая циркуль в пожелтевшую кожу карты.

Вейн медленно перевел взгляд с меня на неё, и в воздухе заискрило напряжение.

– У нас под носом творится черт знает что, а вы решили продолжить свои любовные игры? – в его голосе лязгнуло железо. – Стелла разберайся со своей грызней позже. Сейчас смотрите сюда.

Я склонился над столом, глядя в свежие пометки. Карта была испещрена тревожными знаками в южном секторе.

– В этих кварталах – массовое скопление «надкусанных», – Вейн ткнул пальцем в лесной массив. – Молодые ребята. Все живы, но превратились в тени. Едва волочат ноги, выпитые почти досуха. Больницы забиты до отказа, запасы донорской крови тают на глазах. Нам нечем их восстанавливать.

Я почувствовал, как по позвоночнику пробежал холодок. Это не одиночка и не случайная трапеза.

– Здесь орудует целый клан, – глухо произнес я, понимая, что охота только начинается».

– Красноглазых стало слишком много, – я с силой сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. – Какого черта произошло? Почему они поперли изо всех щелей именно сейчас?

Вейн лишь равнодушно пожал плечами, не отрываясь от бумаг. Его спокойствие бесило.

– Власть сменилась, или кто-то из их выродков возомнил себя бессмертным. Какая разница? Их нужно вырезать, а не изучать их генеалогическое древо.

– Где остальные? – я обвел взглядом пустой зал Дома охотников.

– Давно в деле. Думаешь, мир замрет в ожидании, пока ты соизволишь явиться? – Вейн наконец поднял на меня тяжелый взгляд. – Ты стал странным, Кейн. В последних стычках тебя зацепили пару раз там, где раньше ты бы и волоса не потерял. Что с тобой творится?

– Я перестал пить кровь, – отозвался я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Она... противная. Стала на вкус как сточная канава.

Вейн резко выпрямился, и в его глазах блеснула опасная искра.

– Кейн, ты не капризная девка, чтобы воротить нос от рациона. Твоя натура, всё твоё чертово тело требует этой подпитки, иначе ты сдохнешь в первой же канаве! Я для кого, по-твоему, закупил партию молодых шиншилл? – он кивнул в сторону клетки в углу, где в тени копошились испуганные зверьки.

Стелла, стоявшая у окна, едва заметно сморщила нос от брезгливости. Этот её жест ударил меня под дых сильнее, чем любой серебряный кастет. Она владела мной, каждой клеткой моего изломанного тела, но сама мысль о том, *кто* я есть на самом деле, вызывала у неё лишь физическое отвращение. Я был для неё полезным монстром, которого она едва терпела в своей постели.

– Я тренируюсь, – отрезал я, и мой голос прозвучал суше, чем песок в пустыне.

– Ты сам знаешь, что этого недостаточно, Кейн. Мышцы не заменят того, что у тебя в венах.

Я не выдержал. Рывок – и я смял в кулаках плотную ткань его куртки, вздернув Вейна на носки.

– Послушай меня внимательно, – прорычал я ему в самое лицо. – Я не собираюсь жрать это дерьмо. Мне плевать на инстинкты, мне достаточно обычной человеческой еды. Я хочу быть нормальным, ясно тебе?!

Я чувствовал, как внутри закипает холодная ярость.

– Меня до скрежета зубов бесят ваши взгляды. Я вам не инкубаторское создание, не лабораторный образец! Я выбрал сторону, Вейн, и запомни её раз и навсегда. Я буду использовать ту силу, что досталась мне от этих уродов, чтобы вскрывать им глотки, и на этом всё. Так что завались. Хочешь шиншилл? Жри их сам!

Я с силой оттолкнул его, едва не опрокинув стол. Схватив карту с пометками, я развернулся и стремительно вышел вон, не оборачиваясь. Дверь Дома охотников с грохотом захлопнулась за моей спиной.

В их глазах я никогда не был соратником или другом. Только инструментом. Сильным, управляемым безумцем, созданным лишь для одной цели – истреблять тварей, к которым я сам принадлежал наполовину.

Я ведь и был инструментом. Оружием, у которого нет права на чувства. Я шагал по пыльным улицам, сверяясь с проклятой картой, и внутри всё кипело. Что за притоны они тут поместили? Издеваются или просто хотят, чтобы я сдох в одной из этих выгребных ям?

Внезапно затылок обожгло. Тёплое, почти интимное дыхание прямо над ухом заставило меня вздрогнуть. Я резко обернулся, рука инстинктивно легла на рукоять ножа, но замерла на полпути. На козырьке старого магазинчика, свесив стройные ноги, сидела она. Та самая вампирша. Короткий топ обтягивал её грудь, едва сдерживая рвущиеся наружу изгибы, а юбка была настолько вызывающей, что почти не оставляла места для воображения.

Я на мгновение потерял дар речи, но она, не давая мне опомниться, легко спрыгнула вниз. Грация хищницы. Её палец коснулся моих губ – жест, от которого по коже пробежал электрический разряд.

– Тише, охотник, – промурлыкала она, и в её глазах вспыхнули лукавые искры. – Мы же не хотим, чтобы сегодня кто-то умер среди бела дня, верно? Что тут у тебя?

Она бесцеремонно вырвала карту из моих рук. Пробежала глазами по пометкам, фыркнула и, скомкав бесценный пергамент, отправила его точным броском в мусорный бак.

– Что за нелепые каракули ... Там давно уже ни чего нет.

Я вспыхнул. Гнев, смешанный с непонятым влечением, вырвался наружу.

– Ты как здесь?! – прошипел я, хватая её за тонкое запястье и с силой впечатывая в кирпичную стену магазина.

Прохожие, почуяв неладное, вздрогнули и бросились врассыпную, стараясь не смотреть в нашу сторону. Уличное марево вокруг нас словно сгустилось, превращаясь в кокон, где существовали только я и эта тварь, разрушившая мой покой.

– Эй, полегче, охотничек! – она примирительно вскинула ладони, но в глазах плясали черти. – Одно платье ты мне уже попортил ночью, не увлекайся.

Я замер, глядя на её непринужденную позу под палящими лучами.

– Как ты можешь ходить под солнцем? – мой голос сорвался на хрип. – Это невозможно.

– А ты? – она насмешливо выгнула бровь, глядя мне прямо в зрачки.

В голове мелькнула безумная догадка, от которой пересохло во рту.

– Ты что... тоже человек? – выдавил я, сам не веря в свои слова. Ещё одна полукровка.

В ответ раздался звонкий, почти девчоночий смех, эхом отразившийся от стен узкого переулка.

– Еще чего вздумал! Конечно нет, – она с неожиданной силой оттолкнула меня, высвободившись из захвата, и принялась невозмутимо разглаживать складки короткой юбки. – Увидела тебя в толпе, дай, думаю, поздороваюсь.

Она хитро прищурилась, и из-под верхней губы медленно, с дразнящим изяществом, выдвинулись острые, как иглы, клыки.

– Ладно, я тут вообще-то по делу...

Всё произошло за долю секунды. Смазанное движение, рывок – и она оказалась вплотную. Я не успел даже выставить блок, как почувствовал, что в мою шею с дикой силой впились ледяные клыки. Боль ослепила. Я дернулся, с рычанием схватил её за плечи и буквально отшвырнул от себя. Она пролетела несколько метров и с глухим ударом врезалась в стену, но устояла на ногах, грациозно спружинив.

Ехидно улыбаясь, она медленно, смакуя момент, стерла с уголка губ каплю моей крови.

– Сильный... – выдохнула она, облизывая пальцы. – Так я и думала.

– Тварь! – прорычал я, чувствуя, как место укуса пульсирует ядом. – Ты должна слохнуть прямо здесь!

Я выхватил кинжал, и сталь хищно блеснула на солнце. Рывок – и я обрушил на неё серию ударов. Она лишь звонко смеялась, уклоняясь с грацией, словно мы не сражались насмерть, а танцевали на балу. Но я не собирался играть. Сконцентрировавшись, я выплеснул ту самую темную силу своей сущности, которую так ненавидел. Клинок наполнился тяжелым, мертвенным холодом.

Одно короткое движение – и сталь вспорола её предплечье. Она вздрогнула, резко отпрянула и устала на рану расширенными от изумления глазами.

– Ты... что это такое? – выдохнула она, глядя на мой кинжал. – Из чего он сделан, чем пропитан?

Прежде чем я успел нанести следующий удар, она сама бросилась ко мне. Но не для атаки – она вцепилась в мою ладонь, с жадным любопытством рассматривая оружие. А затем, прежде чем я успел осознать происходящее, она схватила мою руку и резким, безумным движением всадила клинок себе прямо в сердце.

Я отлетел от неё, едва не споткнувшись, и замер с распахнутыми глазами. Мой нож остался в её плоти по самую рукоять. Её лицо исказилось в странной гримасе – то ли от вспышки боли, то ли от горького разочарования.

Она медленно, с хладнокровием мясника, вытащила клинок обратно. Рана затягивалась на глазах, но она лишь недовольно цыкнула.

– Нет... совсем не то, что мне нужно, – она брезгливо бросила мой кинжал мне под ноги, и в её глазах вспыхнул алый, хищный огонь. – Но попытка не пытка.

Она игриво подмигнула мне и буквально растворилась в воздухе, оставив после себя лишь тонкий аромат своих духов.

— Да что она за тварь такая?! — я выругался, вытирая нож о штаны и зажимая рану на шее. Кровь продолжала толчками уходить в ладонь, голова гудела.

Я бросился следом, понимая: оставлять её в живых — форменное самоубийство. Девчонка спокойно гуляла под палящим солнцем, и это уже выбивалось из всех правил. Но след простыл. Ни её самой, ни даже запаха — моё чутье словно выключили.

Я проверил каждую точку из списка Вейна — всё, что удалось удержать в памяти. Пусто. Обычные клубы, сонные бары и толпы безликих прохожих — ни одного следа. Глухая пустота. Ни намёка на этих тварей.

Сцепив зубы от досады, я почти бегом рванул к Дому охотников. В голове набатом стучали вопросы, требующие немедленных ответов: что это за "мутант в юбке" перешла мне дорогу и почему заговоренная сталь, обязанная обратить её в пепел, не сработала?

– Что это?! – Вейн подскочил ко мне прежде, чем я успел переступить порог. Его глаза расширились, когда он увидел багровую полосу на моей шее. – На тебя что, напали? Прямо днем, посреди улицы?!

Я лишь угрюмо отмахнулся, не желая пускаться в объяснения. Схватив со стола чистый платок, я с силой прижал его к месту укуса, чувствуя, как ткань мгновенно пропитывается горячей кровью.

– Заткнись, Вейн, – выплюнул я сквозь зубы.

Я чувствовал, как моя проклятая природа берет свое: раны затягивались медленнее, чем у чистокровных выродков, но гораздо быстрее, чем у любого человека. Края кожи стягивались, противно зудя, пока я смотрел на Стеллу – она замерла в углу, и в её взгляде смешались ледяное презрение и какой-то первобытный, неосознанный страх.

– Я надеюсь, ты прикончил эту тварь? – Вейн выгнул бровь, с показным равнодушием разваливаясь в кресле, но я видел, как напряглись его пальцы.

– Это была она, – прошипел я, с силой отшвыривая окровавленный платок в сторону, когда рана затянулась. – И нет. Я её не убил.

Вейн подскочил, словно его ударило током. Гулкое эхо его голоса ударило в своды зала:

– Какого хрена, Кейн?! Мы каждую ночь рискуем шкурами, отслеживая их по подворотням, а ты просто берешь и отпускаешь одну из них среди бела дня?– Она сказала, что твоя карта – полная чушь, – я с вызовом посмотрел ему прямо в глаза. – Что там давно никого нет, одни пустые гнезда.

— Она сказала, что твоя карта — полная чушь, — я с вызовом выдержал его взгляд. — Сказала, что там давно никого нет. Одни пустые гнезда.

— И ты, конечно, ей поверил? — Вейн сделал шаг ко мне, его голос сочился ядом. — Что, «чувство родства» проснулось? Кровь предков заговорила? Сначала ты веришь их сказкам и отпускаешь клинок, а что потом, Кейн? Начнешь резать нас?

— Я всё проверил, — яростно оборвал я его тираду. — Там действительно пусто. Полная тишина. Она оказалась права.

Стелла в углу резко выпрямилась, её рука произвольно легла на эфес короткого меча. Напряжение в комнате стало почти осязаемым – один неверный вдох, и Дом охотников превратится в бойню.

– Она не такая, как те, кого мы встречали, – глухо добавил я. – Она сама вогнала мой нож себе в сердце... а потом просто ушла.

– Как это – сама вогнала и ушла?! Ты что, прикладывался к фляге с самого утра? – Стелла разразилась едким, дребезжащим смехом, от которого у меня внутри всё перевернулось. – Чтобы тварь ушла после клинка в сердце? Ты явно не в себе, Кейн. Совсем рассудок растерял от своей диеты.

– Заткнись, Стелла! – рявкнул я так, что мой голос ударил в стены, словно пушечный залп.

Она осеклась на полуслове. Её смех оборвался, сменившись маской остолбенения. В комнате повисла такая тишина, что было слышно, как в углу скребутся те самые шиншиллы. Я никогда раньше не позволял себе сорваться на неё, всегда терпел её шпильки и холод, но сейчас... Эти её вечные косые взгляды, это сочащееся из каждой поры презрение стали последней каплей. Они давили на меня сильнее, чем жажда.

– Представьте себе, ушла! – я почти выплюнул эти слова, чувствуя, как внутри всё клохочет от бессилия. – Она не просто странная, она... другая.

Вейн и Стелла замерли, глядя на меня как на безумца, но мне было плевать.

– Я уже сталкивался с ней ночью. Я вогнал в неё серебро по самую рукоять, и знаете что? Она даже не зашипела! В этой девке больше мощи, чем в любом древнем вырожденке, которого мы когда-либо выслеживали. Но самое паршивое не это.

Я сделал шаг вперед, обводя их тяжелым взглядом.

– Она сама, целенаправленно хотела убить себя моим клинком. Словно искала смерти. Но даже наш заговорённый металл её не взял. А потом она исчезла... просто растворилась в воздухе с такой скоростью, что мой глаз, – я ткнул пальцем себе в лицо, – глаз, который видит движения летящей стрелы, не смог зацепиться даже за её тень.

Стелла медленно побледнела, её напускная спесь испарилась, уступив место холодному расчету охотника.

– Ты хочешь сказать, что по городу гуляет нечто, что ищет смерти, но не может её найти? – тихо спросила она.

– Я хочу сказать, что мы охотимся на волков, пока среди нас разгуливает божество смерти в короткой юбке, – отрезал я. – Сказала, зовут Изи, – я выплюнул это имя, словно оно обжигало мне язык. – Так торжественно пропела, словно я должен был сразу пасть ниц и узнать это «чудо природы».

Вейн и Стелла переглянулись. В комнате повисла гулкая тишина, нарушаемая только тихим шелестом карты на столе.

– Изи? – Вейн нахмурился, его брови сошлись у переносицы, пока он лихорадочно перебирал в памяти бесконечные списки высших кланов, имена древних патриархов и бастардов, чья кровь давно смешалась с грязью. – Никогда не слышал. Хотя... стой.

Он метнулся к массивному стеллажу, схватил какой-то фолиант в потрескавшейся коже и начал яростно листать страницы, едва не разрывая пергамент.

— Нашел, — выдохнул он, не отрываясь от пожелтевших страниц. — У Морта Весталина была дочь. Изи. Единственная сестра троих братьев. Но её история оборвалась четыре с половиной столетия назад. Если верить хроникам, Морт лично предал тело дочери огню в тот же день. Такова была цена договора между вампирами и людьми. С тех пор это имя не всплывало ни в одном реестре.

– Тогда кто она такая?! – мой голос сорвался на крик, вибрируя от ярости, которую я больше не мог сдерживать. – Из чьего она клана? Мы должны вывернуть этот мир наизнанку,

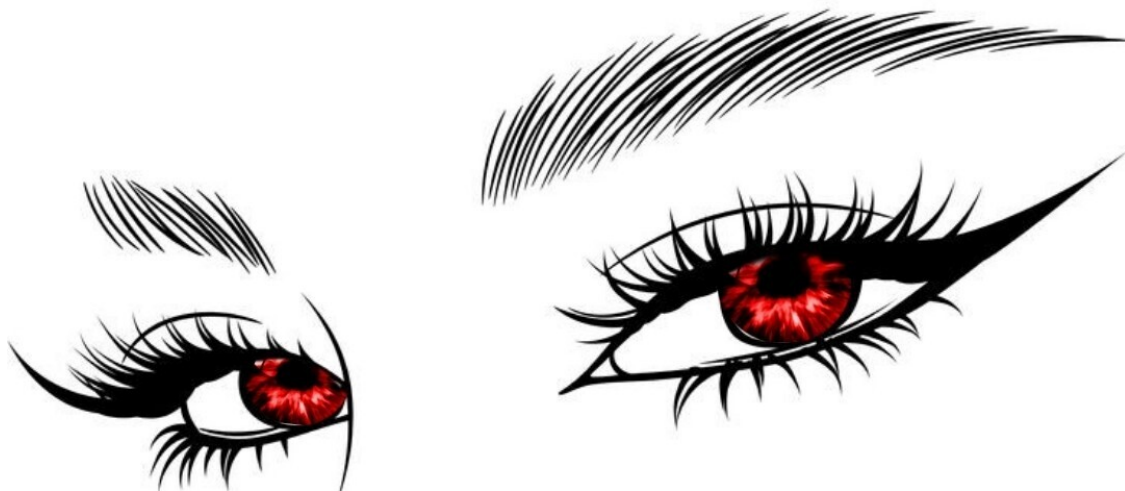
но выяснить о ней всё! До последней капли её проклятой, фальшивой родословной. Если наш заговоренный клинок пасует перед её кожей, значит, мы найдем другие способы. Святой огонь, солнечная сталь, запретная алхимия – мне плевать на средства. В крайнем случае... – я процедил слова сквозь зубы, – я лично снесу её прелестную голову. Посмотрим, как она будет улыбаться, когда её тело превратится в кучу пепла.

Стелла, стоявшая у окна, лишь сухо скрестила руки на груди. Её взгляд, острый и холодный, как бритва, пронзил меня насквозь.

– Снести голову той, кто движется быстрее твоей мысли? Удачи, Кейн. Тебе понадобится не только твоя хваленая «сущность», но и нечто гораздо более смертоносное. Ты сражаешься с тем, чего не должно быть.

Я проигнорировал её шпильку, хотя внутри всё клокотало. В голове, словно заезженная пластинка, крутился только один вопрос: почему она выбрала именно меня? Почему эта ожившая мертвечина, этот прах из прошлого, играет со мной в свои безумные игры, превращая мою охоту в растянутый акт самоубийства?

Глава 10

Изи

Я вышагивала по раскаленным улицам этого залитого светом города с ленивой, почти кошачьей вольной грацией. Солнце, которое должно было испепелить меня в прах по всем законам их древних преданий, лишь ласкало мою кожу, заставляя серебряные нити внутри меня едва ощутимо вибрировать. Я чувствовала себя хозяйкой этого полуденного праздника жизни, надев свою самую безупречную и фальшивую маску.

Я щедро дарила ослепительные улыбки случайным прохожим, обнажая ровный ряд зубов, в которых больше не было нужды прятать клыки. Но реакция была неизменной: едва их взгляды встречались с моими, люди инстинктивно шарахались в сторону. Они не понимали, что именно их пугает – мой слишком прямой, немигающий взор или то ледяное безмолвие, которое я источала вопреки жаре.

Для них я была сбоем в матрице, хищником, замаскированным под светскую львицу. Я видела, как бледнеют их лица, как они ускоряют шаг, чувствуя затылком мое присутствие. Это забавляло меня. Они чувствовали смерть, которая научилась носить модные очки и ходить при свете дня. Я была живым парадоксом – призраком из сгоревшего прошлого, который наслаждался их страхом, смакуя каждый глоток этого яркого, чужого мне полдня.

– И где тебя носило? – голос брата эхом отразился от низких сводов подвала стейк-бара. Он обернулся ко мне, и в полумраке его глаза блеснули холодным золотом.

– Да так ... – я неопределенно махнула рукой, проходя мимо него вглубь помещения. – Нужно было кое-что проверить. Личная инспекция города.

Эреш замер, а затем в один прыжок оказался рядом. Его взгляд приковало багровое, еще влажное пятно на моей груди, прямо там, где под кожей должно было биться сердце.

– Что это, Изи?! – он схватил меня за плечи, и в его голосе прорезался рык испуга. – Тебя пытались убить? Днем? Охотники?!

Я лишь криво усмехнулась и, мягко высвободившись, вольяжно опустилась на старую дубовую лавку.

– Нет, брат. Успокойся. Это была всего лишь еще одна проверка. И, как видишь, она снова провалилась.

Я лениво скользнула пальцами по дыре в ткани топпа, чувствуя, как кожа под ней уже стала гладкой и холодной, не оставив даже шрама от заговоренной стали.

– Это сделала я сама. Его руками. Но не сработало. Опять.

Брат отшатнулся, глядя на меня как на умалишенную. В его глазах гнев боролся с отчаянием.

– Изи... Ты совсем рехнулась? Я тебя не понимаю! – он сорвался на крик, ударив кулаком по стене. – Ты годами вдальбливаешь мне, что это твоя жизнь, что ты будешь жить так, как хочешь, наперекор всем кланам... А сама втихаря ото всех ищешь способ подохнуть?! Что это за двойная игра?

Я запрокинула голову, глядя в темный потолок, и на моих губах заиграла та самая ехидная улыбка, которую я подарила охотнику.

– У меня свои цели, ясно? И лучше не суй свой костлявый нос туда, куда я не просила, Эреш. Иначе следующим, кого я отправлю на тот свет, будешь ты. И поверь, я даже глазом не моргну.

Я лениво откинулась на спинку лавки и принялась с преувеличенным вниманием изучать свой безупречный маникюр.

– Убить древнего вампира мне вполне по силам. Я проверяла это ещё два года назад... помнишь тот шумный скандал в высшем совете?

Эреш замер, и я увидела, как краска медленно сходит с его лица. Он отшатнулся, словно я внезапно превратилась в само солнце.

– Так это... это была ты? – его голос сорвался на хрип. – Ты убила Эди? Сына верховного старейшины?

Я вскинула голову и хищно оскалилась, обнажая клыки, на которых всё ещё таял привкус крови того охотника.

– Верно... Он был очень, очень плохим мальчиком.

– Ты отвратительна, Изи! Как ты можешь так просто убивать своих же?

– Какой он мне «свой»? – я резко подалась вперед, и в подвале словно похолодало на десять градусов. – Они не из нашего круга, Эреш. И я не собиралась терпеть его идиотские выкрутасы.

Этот выродок действительно возомнил, что я стану послушной марионеткой в его руках? Что я буду скакать перед ним на задних лапках, словно горная коза на потеху хозяину? Он совершил роковую ошибку, решив, что может приручить то, что сам не в силах постичь. Он приковал меня тяжелыми цепями к сырым камням своего подземелья, выставив меня, как паршивого пса, на позор в этой вонючей дыре.

Пол года я томилась в этих подвалах. Я иссыхала без единой капли живой крови, чувствуя, как моё новое, искусственно созданное тело начинает медленно саморазрушаться от голода. Я была скована по рукам и ногам, лишена даже намека на движение, в то время как он заходил в мою камеру и смотрел на меня, как на забавную диковинку. Он играл со мной, как с тряпичной куклой, наслаждаясь своей мнимой властью над «бессмертной».

Его бесило моё молчание. Его приводило в ярость то, что на мой обновленный организм не действовал ни ядовитый аконит, ни самые изощренные вампирские дурманы, способные свалить старейшину. Мои вены, прошитые технологиями Обелиска, просто отторгали его химию, оставляя разум кристально чистым даже в моменты самой жуткой агонии.

Когда он понял, что не сможет сломить мой дух через зелья, он просто заковал меня в сталь. Он думал, что металл удержит то, что не удержала магия. Он верил, что время и темнота заставят меня умолять о пощаде. Какая наивность... Каждую секунду в этих цепях я ненавидела – я выжигала в своей памяти его лицо, чтобы в день, когда я освобожусь, не пропустить ни одной детали его предсмертного ужаса.

Я оказалась вплотную к Эрешу, обжигая его ледяным дыханием, и прошипела прямо в лицо:

– И знаешь что? Цепи меня тоже не берут, братец. Ни серебряные, ни заговоренные. Никакие.

Одним резким, небрежным движением я отшвырнула его в сторону, словно тряпичную куклу. Эреш отлетел к стене, а я лишь поправила юбку, чувствуя, как внутри снова разгорается эта невыносимая, скучная жажда чего-то настоящего.

– Проводи свою тренировку и проваливай, – я бросила это через плечо, даже не удостоив брата взглядом. – Ты что, правда думаешь, будто я все пять лет только и делала, что сидела на своей бледной упругой заднице и развлекалась, посасывая кровь милых людишек? Нет, Эреш. Ошибаешься.

Я резко развернулась, и в моих глазах полыхнул холодный, мертвенный огонь.

– Пол года я томила в подвале того старого выроodka. Была его девкой на побегушках, его ручной зверушкой. Сначала... сначала мне даже нравилась эта игра. Был какой-то азарт в подчинении. Но всему приходит конец. Игра наскучила. А вот он решил, что может решать за меня. Решил, что он – хозяин положения, и вцепился в меня мертвой хваткой.

Я сделала паузу, наслаждаясь тем, как Эреш вжимается в стену.

– Поэтому он и сдох. Я уже год ищу свою смерть, Эреш. Ищу способ оборвать эту бесконечную ленту дней, но пока – пустота. Иногда я жажду конца, иногда – нет. Вот такая я, представь себе. Нет сердца, нет чувств... только скука и дикий азарт, перемешанные в один ядовитый коктейль.

Я подошла к нему вплотную и коснулась его шеи ледяными пальцами.

– Знаешь, я, возможно, и правда сойду, если мне оторвать голову или вырвать сердце. Но я не позволю этого сделать какому-то отребью. Я хочу умереть красиво, как королева, а не как загнанное животное на скотобойне. Понимаешь разницу?

– Чем тебе не живётся как раньше? Что тебе не нравится? – Эреш отозвался сухо, почти отчужденно. – У тебя есть всё: сила, свобода, кровь. У тебя есть я. Чего еще желать?

Я медленно подняла на него взгляд. В груди было пусто, как в выгоревшем склепе.

– Мне скучно, Эреш. Ясно тебе? Просто невыносимо скучно.

Я подошла к нему, чувствуя, как между нами растёт ледяная стена, которую не пробить ни криком, ни слезами.

– Раньше я жила. Понимаешь? По-настоящему. Даже будучи наполовину мертвой, я чувствовала пульс этого мира. А сейчас... – я приложила ладонь к груди, там, где под кожей царило неподвижное безмолвие. – Тут даже не стучит. Один холод.

Я коснулась пальцами виска, глядя в его полные непонимания глаза.

– И здесь, внутри, нет ни малейшего желания прожить то, что было раньше. У меня не осталось чувств. Ни к кому. Даже к тебе, мой дорогой брат, я чувствую лишь... НИЧЕГО. Пустоту.

Эреш вздрогнул, и я увидела, как по его лицу пробежала тень боли. Раньше это заставило бы мое сердце сжаться, но сейчас я лишь бесстрастно фиксировала его реакцию.

– Ты был единственным, с кем я чувствовала тепло и защиту. А теперь мне плевать, кто ты и что пытаешься мне доказать. Я изо всех сил стараюсь не обрывать нашу связь, пытаюсь вести себя «обычно», чтобы ты не видел, каким чудовищем я стала внутри.

Я сделала шаг назад, и мой голос стал еще тише, приобретая зловещую глубину.

– Но ты... ты каждым своим словом, каждым упреком заставляешь меня ненавидеть тебя этим моим пустым, выжженным сердцем. И если я найду свою смерть в руках того охотника – пускай. Так тому и быть. Это будет лучше, чем бесконечный холод.

– Мы могли бы покопаться в архивах отца, Изи, – голос Эреша дрогнул от слабой надежды. – Он собирал древние свитки, искал способы исцеления... Вдруг там есть ключ? Мы всё исправим, слышишь? Я помогу тебе.

Я замерла на мгновение, а потом театрально всплеснула руками, издав короткий, пустой смешок, от которого по стенам подвала пополз иней.

– О, конечно! Конечно, всё можно исправить! – я посмотрела на него с безумным восторгом, в котором не было ни капли тепла. – Я даже знаю рецепт этого «исцеления».

Я сделала паузу, наслаждаясь тем, как он подался вперед, ловя каждое мое слово. Моя улыбка стала шире, обнажая идеальные, смертоносные клыки.

– Смерть. Вот единственный выход, Эреш. Вот что можно и нужно сделать. Никакие пыльные свитки не заставят это мертвое мясо в моей груди забиться снова. Только покой. Только окончательный, красивый финал.

Я подошла к выходу, обернувшись у самой двери. В полумраке мои глаза казались двумя раскаленными углями.

– Не ищи спасения там, где его нет. И да, ты исчерпал лимит на сегодня, – я бросила это через плечо, уже не скрывая ледяного равнодушия. – Я больше не хочу тренироваться. Спарринг с тобой сейчас – это как бить подушку. Никакой отдачи, только лишний шум.

Я направилась к выходу из подвала, чувствуя, как воздух бара давит на плечи. Эреш что-то крикнул вдогонку, но слова рассыпались, не достигнув моего слуха. В голове набатом бился образ того охотника. Его ярость была живой. Его страх был настоящим. Его кровь... она всё еще жгла мне губы.

– Оставь свои нотации для тех, у кого еще осталось терпение, брат, – бросила я, уже скрываясь в тени лестницы. – Сегодня я выбираю тишину. Или новую игру.

До самого вечера я убивала время, слоняясь по центральным улицам. Новая одежда, блеск витрин с побрякушками – всё это было лишь попыткой заполнить пустоту внутри. Но стоило мне засмотреться на очередное кольцо, как в меня на полном ходу врезался какой-то парень.

Выглядел он... специфично. С ног до головы в коже, тяжелый плащ, темные волосы до плеч, небрежно собранные в хвост. В ухе вызывающе покачивалась серьга. Он был внушительно приятного телосложения. С проявленными мышцами даже через ткань. Он замер, уставившись на меня своими неправдоподобно голубыми глазами, словно увидел привидение.

– Извините, – буркнула я, пытаюсь пройти мимо и даже не удостоивая его взглядом.

Но он не двигался. Я кожей чувствовала, как его изучающий интерес сканирует меня с головы до пят. Терпение лопнуло.

– Ну? Что надо? – я вскинула голову, вкладывая в слова всю свою злость.

Его глаза расширились еще сильнее, а на губах заиграла опасная ухмылка.

— Так-так... Вампирша... — прошипел он. Раздался резкий лязг металла: из-за спины он неспешно вытянул короткий, опасно поблескивающий топорик. Резким толчком он отшвырнул меня к стене. Я врезалась в камень, не проронив ни звука — лишь устало закатила глаза и пожала плечами.

— Опять? Seriously? Этот сценарий начинал мне приедаться. Слушай, сколько можно? – мой голос сочился скукой. – Я тут делом занята, шопингом, если не видишь. Иди гуляй, охотник. Пока головы не лишился. Проваливай, пока я в духе.

Этот парень оказался проворнее, чем я думала. Одним резким рывком он затащил меня в узкий проулок и с силой прижал к холодному кирпичу. Ой, неужели поиграть захотел?

Я быстро глянула по сторонам – лишних глаз нет – и с тихим шелчком выпустила клыки.

– Кто ты такая?! – прошипел он, почти касаясь моим носом своего, приставляя к моему корлу топорик. – Из какого клана? Почему разгуливаешь на солнце?!

– Ну-ну, полегче, торопыга, – я усмехнулась, чувствуя, как его пальцы мертвой хваткой впились в моё запястье. – Слишком много вопросов для одной короткой встречи.

Вместо того чтобы вырваться, я сама подалась вперед, вплотную к его груди. Он инстинктивно отшатнулся на полшага, но было поздно.

– Знаешь, я люблю игры... – прошептала я прямо в его губы.

Прежде чем он успел вскинуть свой топорик, я впиалась в него поцелуем, перехватывая его руки с такой силой, что он не смог даже шевельнуться. Секунда – и я остро прикусила его нижнюю губу, слизывая выступившую каплю крови. Солёная, с привкусом адреналина и чего-то горького.

Я резко оттолкнула его, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– У вас, охотников, на редкость странный вкус... – я ехидно прищурилась, глядя, как он ошарашенно прижимает пальцы к губе. – Слишком много специй и злости.

Он замер, тяжело дыша, а его голубые глаза потемнели от ярости и чего-то, что было очень похоже на замешательство.

– И да, меня зовут Изи, – я бросила это через плечо с хищной улыбкой, собираясь покинуть наш пыльный тайник.

Но этот парень явно не дружил с инстинктом самосохранения. Он снова вцепился в меня, резким рывком отбросив назад к стене. Я лишь изящно качнулась на своих высоких каблуках, едва не потеряв равновесие, и во все глаза уставилась на него.

– Эй, ну что за манеры? Так теперь обращаются с дамами?

– Ты... ты укусила меня! – прошипел он, прижимая пальцы к губе. В его глазах смешались ярость и суеверный ужас.

– И что с того? Жалко капельки? – я развела руками, начиная медленно, по-кошачьи подкрадываться к нему. – Всего лишь проба. Я, знаешь ли, девушка избирательная. Мне по душе другой охотник... тот, что с красными глазками. Может, слышал о таком?

Я видела, как он напрягся при его упоминании.

– Твоя кровь тоже ничего, но горчит. Ты явно балуешься какими-то отварами, чтобы быть быстрее и сильнее, или чтобы отравить нас? – я поморщилась, словно съела лимон. – Вот только жалость... на меня твоя химия не действует. И топор твой – просто игрушка.

В одно мгновение я сократила дистанцию. Он даже не успел моргнуть, как я вырвала топорик из его руки. Секунда – и я с силой зашвырнула его в сторону горизонта. Оружие со свистом рассекло воздух, превратившись в крошечную точку в небе.

– Возможно, кому-то сегодня привалит «счастье» прямо на голову, – я весело подмигнула ему. – А теперь вали, если жизнь дорога. У меня шопинг, и я не намерена тратить на тебя больше ни секунды.

Этот идиот всё никак не мог уgomониться. Вместо того чтобы бежать за своим топором, он с фанатичным блеском в глазах выхватил серебряный кинжал и приготовился к броску. Я лишь устало покачала головой – святая простота.

В одно неуправляемое движение я оказалась рядом. Перехватила его кисть, и прежде чем он успел вскрикнуть, вонзила этот самый клинок ему в бедро. Он рухнул на грязную землю, шипя от боли, но шоу только начиналось. Я вырвала серебро из его ноги и, глядя ему прямо в расширенные от ужаса зрачки, с размаху вогнала лезвие себе в сердце. По самую рукоять.

Он замер, перестав дышать, ожидая, что я сейчас рассыплюсь пеплом у его ног. Но я лишь поморщилась, чувствуя знакомый холод в груди, и медленно вытянула сталь обратно. Я брезгливо отшвырнула окровавленный клинок ему на колени и, поправив волосы, невозмутимо процокала мимо на своих каблуках.

– Всё, мальчик, игра окончена. Видишь, мне всё равно на твои игрушки. Иди домой и приложи подорожник. И передай своим друзьям в Доме охотников: в следующий раз присылайте кого-то поинтереснее.

Оставив его сидеть в грязи и тарачить на меня глаза, я скрылась в толпе, чувствуя, как адреналин от этой стычки наконец-то немного разогнал мою вечную скуку.

Закупившись горой шмоток и побрякушек, я вернулась в свое логово, надеясь на блаженную тишину. Но стоило мне переступить порог, как из темноты донесся знакомый хриплый шепот, больше похожий на рык:

– Привет...

В тенях вспыхнули алые угли глаз. Я даже не вздрогнула – узнала бы этот запах из тысячи.

– Морвен, – устало выдохнула я, бросая пакеты на кресло. – Кажется, я ясно дала понять: не смей приходить, пока меня нет.

Парень медленно вышел на свет. Его лицо пересекал шрам, а рассеченный глаз нервно подрагивал, когда он кривил губы в усмешке.

– Я соскучился, Изид...

– Видимо, при нашей последней встрече ты заткнул уши ватой, – отрезала я. – Игра окончена. Я сама позову тебя, когда мне захочется устроить себе «курорт» с твоим участием. Понял?

Морвен лишь издевательски рассмеялся, но тут же посерьезнел.

– Ладно, я здесь не за этим. У нас проблемы. Охотники начали вынюхивать нашу территорию. Одного из них я убрал прямо по пути сюда...

— Что?! — от моего рыка оконные стекла жалобно звякнули в рамах. — Это у вас проблемы, Морвен! Какого черта вы вообще лезете на мой район? Если не разгребете это дерьмо... пожалеешь лично ты. И остальным выродкам передай. Вы устроили в городе бойню, которая мне даром не сдалась! Мой клан теперь уверен, что горы трупов — это моя работа. А я запретила убивать людей!

Я в мгновение ока сократила дистанцию, вцепилась в его воротник и вздернула его, впиваясь взглядом в самые зрачки.

— Это не мы, — прошипел он прямо мне в лицо. — Да, недавно мы налажали, признаю. Но на южную территорию мы даже не суемся. Ты и сама это прекрасно знаешь.

– Послушай меня внимательно: не исправишь, всем бошки снесу. Я вас создала – я вас и грохну. А теперь проваливай и зачисти всё, что успел нагадить. Чтобы духу твоего здесь не было!

Я оттолкнула его с такой силой, что он едва не вылетел в закрытую дверь. Морвен стер оскал с лица, осознав, что я не шучу, и растворился в ночи.

– Вот же ублюдки малолетние... – прорычала я в пустоту пустой комнаты, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. – Кажется, мои любимые игрушки дали трещину. Решили, что клыки выросли достаточно длинными, чтобы огрызаться на создателя?

Я медленно подошла к зеркалу, глядя на свое отражение, в котором не было ни капли сочувствия.

– Ну ничего. Я вас вмиг почию. Вправлю мозги так, что кости затрещат. Я дала вам бессмертие, – прошептала я в пустоту, и мой голос прозвучал как смертный приговор, – я его у вас и заберу.

Глава 11

Кейн

Я сидел в зале, пытаясь обрести хоть какое-то подобие покоя, но тишина лишь подпитывала хаос в моей голове. Мысли, словно навязчивый бред, раз за разом возвращали меня к образу этой твари – нет, этой женщины – стоял перед глазами. Это был уже второй раз, когда она пробовала мою кровь на вкус, испытывала мою выдержку. И я до сих пор не убил её. Где мои инстинкты? Где те навыки, которыми я так гордился? Раньше любой вампир, посмевшийся приблизиться ко мне с оскалом, умирал прежде, чем успевал издать хоть звук. Но что-то надломилось. Почему я вообще вступаю с ней в диалоги? Она ведет себя как безумная: бросается мне под ноги, провоцирует, а затем исчезает, словно всё это – лишь очередная её маленькая, извращенная игра.

– Значит, она красивая? – холодный голос Стеллы, стоявшей у окна, вырвал меня из оцепенения.

Я поднял взгляд. Она смотрела на меня с нескрываемым презрением.

– Что? – переспросил я, не сразу сообразив о чём она.

– Ты сказал: «отрубить её прекрасную голову». Значит, она всё-таки красивая? – Стелла ядовито усмехнулась. – Положил глаз на вампиршу, поэтому и дал ей уйти, верно?

Я почувствовал, как внутри закипает раздражение.

– Боже, Стелла, что за чушь ты несешь? В тебе что, ревность заиграла? Или ты просто не привыкла ни с кем делиться «игрушками»?

Она тут же отвела взгляд, и эта секундная слабость подтвердила мои догадки. Но мне было плевать.

– Тебя моя жизнь не касается. Занимайся своей, – отрезал я.

– Как ты можешь так говорить после всего, что между нами было?! – она резко обернулась, её голос дрожал от ярости.

Меня окончательно прорвало.

– А что именно было, Стелла? Секс? Так тебе его всегда хватало, и без моего участия. Или ты думала, я идиот? Думала, я не знаю, где и с кем ты проводила ночи, пока я был на охоте? Скажи, сладко тебе было в объятиях Зерда? Он дарил тебе ту ласку, которой ты так требовала от меня?

Она застыла, побледнев.

– Ты решила, что раз его прикончили кровопийцы, то тайна ушла в могилу? Я знал об этом с самого начала. Просто молчал – мне было удобно, что ты под боком, и не более того. А теперь мне окончательно наплевать. Засунь свою нежность и внезапно проснувшиеся чувства куда подальше... Я не успел закончить фразу. Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату вва-

лился Вейн. Он тяжело дышал, едва переставляя ноги, а его штанина была насквозь пропитана свежей кровью.

– Вейн, что за чертовщина?! – я подскочил к нему, подхватывая под плечо.

– Да тише ты, не ори... – прохрипел он, пытаясь удержаться на ногах. – Думаешь, я такой же железный, как ты? У меня, в отличие от некоторых, тело мягкое, живое.

– Ой, да заткнись ты со своими шуточками, – огрызнулся я, помогая ему опуститься на стул. – Кто тебя так разделал?

Вейн на мгновение замер, а потом криво усмехнулся, шипя от резкой боли в пробитой ноге:

– Угадай с трех раз... Слушай, она реально бессмертная. И абсолютно, наглухо безумная. Он потянулся к ране, но тут же отдернул руку.

– Представь картину: она всадила клинок по самую рукоять, вспорола плоть, и хоть бы поморщилась! Просто пошла дальше, виляя задом, будто не клинком проткнула, а пальцем. Она вытащила сталь из собственного сердца, как какую-то мелкую занозу из пальца. Даже бровью не повела, прикинь?

– Ты видел эту Изи? Она тебе сказала хоть что-нибудь?

Вейн отрицательно качнул головой, его лицо осунулось от потери крови, но в глазах плясали смешинки.

– Я пытался выпытать у неё про клан, – продолжил он, – но она просто отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. Такое чувство, что она сама по себе тут шарахается, плевать ей на иерархию и приказы. Знаешь, что она мне заявила на прощание? «Вали отсюда, смертный, у меня шопинг».

Вейн посмотрел на меня и вдруг нервно расхохотался, несмотря на рану.

– Шопинг! У вампирши! Это же просто кино, не иначе.

Я наскоро затянул повязку на ноге Вейна, пока мы вполголоса прикидывали, что делать дальше. Спор прервал Шол – он вошел в комнату, выглядя совершенно измотанным и злым. Не снимая пропитанной пылью и кровью куртки, он тяжело рухнул в кресло.

– Ну что, вынюхали хоть что-то? – хмуро бросил я.

– Немного, – Шол поднял на нас пустой взгляд. – И еще... один из наших не вернется.

– Твою мать! – взревел Вейн, дернувшись от ярости и боли. – Хватит загадок, Шол, выкладывай всё, что узнал!

– Вампиры. Совсем молодняк, – Шол устало потер переносицу. – Созданы год, от силы два назад. Разбрелись по всему району, как неуправляемая шпана. Кто-то их наклепал целую кучу, а приструнить забыл. Или специально спустил с поводка.

– Что значит «создал»? – вмешалась Стелла, подавшись вперед.

Шол ожёг её презрительным взглядом:

– То и значит. За три года работы могла бы уже и теорию выучить... Кусают, обращают – и вуаля, новый кровосос готов. Что ты как маленькая? – он раздраженно отмахнулся от неё.

– Я и без тебя это знаю, болван! – вспыхнула Стелла. – Но это же запрещено! Они сами подписывали договор о нераспространении заразы...

– Ну, значит, теперь они этот договор пустили на самокрутки, – огрызнулся Шол. – Пока неясно, кто за этим стоит. Мы почти подобралась к их логову, но нас засекли. Уверен, там либо их вожак, либо главное убежище. И ещё! Некоторые из них ходят в рубашках с кружавчиками, словно из прошлого века.

– И чего мы тогда сидим?! – Стелла резко вскочила, её пальцы мертвой хваткой вцепились в рукоять меча. – Мы обязаны проверить эту информацию прямо сейчас, пока след не остыл!

– Сейчас в этом нет никакого смысла, – осадил я её холодным тоном. – Они нас засекали. Теперь они знают, что мы в курсе их местонахождения. Соваться туда сейчас – самоубийство. Нужно залечь на дно и ждать.

Стелла обернулась ко мне, в её глазах пылал гнев:

– Хочешь сказать, они всей толпой ринутся нас убивать? Ты этого боишься?

– Стелла, Кейн прав, – подал голос Вейн, преодолевая боль от раны. – Мы не имеем права так рисковать. Наших гибнет всё больше с каждой вылазкой. Нам нужно подкрепление, пора искать новичков. Шол, – он повернулся к сидящему в креслу охотнику, – распорядись, чтобы подготовили смотр ребят. Отберем самых взрослых и крепких.

– Какие еще взрослые, Вейн?! – возмутилась Стелла, всплеснув руками. – Ты в своем уме? Самому старшему из них всего семнадцать! Это дети! Я не позволю тебе брать их на бойню!

Шол лишь мрачно усмехнулся, глядя на неё исподлобья. Атмосфера в комнате накалилась до предела: между холодным расчетом мужчин и отчаянным протестом Стеллы росла пропасть.

– С чего ты вообще взяла, что я спрашиваю твоего разрешения? – голос Вейна прозвучал набатом, пресекая любые возражения. – Ты забываешься, Стелла. То, что я доверил тебе ими руководить, не дает тебе права что-то здесь запрещать. Я здесь главный. Будь добра, подчиняйся... либо проваливай отсюда на все четыре стороны.

Стелла на мгновение застыла, ее лицо побледнело от резкого тона, но затем она лишь понурила плечи и едва слышно выдохнула:

– Извини.

– А теперь идите и отбирайте парней, – отрезал Вейн. Когда она вышла, он перевел взгляд на меня. В его глазах уже не было ярости, только тяжелая усталость. – Что будем делать с этой вампиршей, Кейн? Мы должны решить это сейчас.

Я посмотрел на него со всей серьезностью, ожидая плана действий, но Вейн лишь горько усмехнулся и откинул голову на жесткое изголовье кресла.

– Видал, что она устроила? – он указал пальцем на свою разбитую, припухшую губу. – Думаешь, я в рожу получил в драке? Нет. Эта дрянь вцепилась в меня, поцеловала как бешеная, а потом просто прокусила губу. Сказала, что твоя кровь ей больше по душе, а моя... горчит.

Он дико, почти истерично расхохотался, эхо его смеха неприятно резало слух в напряженной тишине комнаты.

– Поцеловала? – я невольно выгнул бровь, чувствуя, как внутри ворочается странное чувство.

– Хватит лирики, – оборвал он. – С ней нужно что-то решать. Она разгуливает по городу даже при свете дня, совершенно не таясь. Установите за ней круглосуточное наблюдение. Следите за каждым ее шагом. Мне нужно знать точно, куда она уходит и откуда появляется. И заканчивай уже со своей гребаной диетой! – бросил мне вдогонку Вейн. – Нам нужен твой слух и твоя скорость на максимуме. Как ты собрался прикончить эту Изи? Она ясно дала понять, что она не рядовая кровососка. Старые методы тут не сработают, нужны другие козыри. Перепробуй всё, что только сможешь, – продолжал он, уже серьезнее. – Снадобья, заклятия, отвары... всё, что завалилось в наших арсеналах. Если хоть какая-то дрянь её зацепит, если увидишь, что она хоть на секунду ослабла – сразу дай знать. Мы обязаны выяснить, на что у этой твари «аллергия».

– Понял, сделаю, – отрезал я. – Но предупреждаю сразу: убери подальше это гребаное зверье. Я ни одной этой мышатины не сожру.

– Кейн, ну хочешь, я их тебе как-нибудь по-особенному приготовлю? По-домашнему? – Вейн заржал мне в спину, довольный своей шуткой.

Я лишь молча показал ему средний палец и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Ближе к ночи я закончил сборы. Большая часть наших магических и химических «сюрпризов» была готова: склянки с едкими составами, заговоренное серебро, порошки – всё это я аккуратно распределил по карманам и ремням, чтобы достать вслепую за секунду. Накинув тяжелый черный плащ, который скрывал и оружие, и силуэт, я вышел в холодный ночной город. Пора было отправляться на эту «прогулку» и встретиться с той, кто так нагло играла с нами.

Я не спал ни минуты. Голова гудела, словно внутри бился растревоженный рой ос. Та сила, что дремала во мне, требовала выхода, требовала подпитки, которую обычная еда дать не могла. Стейк с кровью, который я пытался впихнуть в себя днем, оказался бесполезен – это было не то. Моему телу требовалась чистая, пульсирующая жизнь, не тронутая жаром огня. Но как заставить себя, если от одной мысли о такой «трапезе» меня выворачивало наизнанку?

Мне понадобилось около часа, чтобы выследить добычу. В ночном лабиринте улиц я наконец наткнулся на след этой мелкой поросли кровопийц. Расправа была быстрой и будничной, лишённой всякого азарта. Они и впрямь были совсем зелеными: ни опыта, ни инстинкта самосохранения. Эти юнцы даже не понимали, как нужно прятаться от таких, как я, подставляясь под удар так глупо и открыто, словно сами искали смерти.

– Эй, за что ты моих ребят так... грубо? – раздался за спиной вкрадчивый женский голос, от которого по коже пробежал мороз.

Я не раздумывая, на одних инстинктах, метнул в неё кинжал. Но она лишь играючи перехватила его в воздухе, едва коснувшись холодной стали тонкими пальцами. С вызывающим, почти интимным видом она засунула трофей под кружевную резинку своего чулка.

– Заберу его себе, раз ты так разбрасываешься вещами, – промурлыкала она, двигаясь в тени с грацией голодной пантеры.

Когда она наконец шагнула под желтоватый свет уличного фонаря, у меня на мгновение перехватило дыхание. Она выглядела так, словно сошла с обложки самого дорогого журнала: черное кружевное платье с глубоким декольте, расшитое мерцающими бусинами, бешено развевалось на ночном ветру, бесстыдно обнажая её длинные ноги. Идеальные локоны рассыпались по плечам, а алые губы растянулись в хищной улыбке. Но страшнее всего был её взгляд – убийственно алый, светящийся жаждой.

– Здравствуй, охотничек...

– Ты... – прошипел я, чувствуя, как внутри закипает ярость, смешанная с тем самым странным влечением.

Я мгновенно выхватил новые пропитанные клинки, идеально ложащиеся в ладонь, и один из них со свистом полетел прямо в неё. Изи ловко, почти лениво увернулась, даже не сбив дыхания.

– Ладно, можешь не здороваться, раз ты не в духе, – она наигранно надула губы. – Если я тебе так не понравилась, мог бы просто сказать. Я, знаешь ли, уже и другого охотника присмотрела. Глаза у него, конечно, не такие красивые, как твои... но сам он очень даже ничего.

Я тут же напрягся, чувствуя, как внутри всё похолодело. Мысли лихорадочно заработали: о ком она говорит? О ком из моих она успела разузнать?

– Дай-ка подумать, как же его зовут... – она приложила пальчик к губам, притворно задумываясь. – Ах, да-а-а. Я тут зря времени не теряла и всё о вас разузнала. Его зовут Вейн. Знаешь, такое красивое имя. И у тебя тоже – Кейн... Смерть ночи значит?

Она прошептала моё имя так тихо, что по коже невольно пробежали мурашки, а волосы на затылке встали дыбом.

– Вы случайно не братья? Имена прямо как на подбор. Не знаешь, где он сейчас? Я его уже обыскала, – пролепетала она с такой беззаботной интонацией, будто мы вели светскую беседу в дорогом ресторане, а не стояли над трупами среди ночи.

– Ты его не просто искала, ты его прилично «поцарапала», – прошипел я, сжимая в ладони рукоять скрытого клинка. – Так что увидишь ты его не скоро.

– Разве? – она лишь коротко хохотнула, и этот звук полоснул по ушам.

– Ты сказала, это твои ребята? – я кивнул на изуродованные тела, валяющиеся на земле.

– Да, были мои, – она безразлично пожала плечами, даже не взглянув на них.

– Значит, это ты сотворила весь этот молодняк? Ты плодишь это безумие в городе?

– Верно, – она оскалилась, обнажив острые клыки, но в её глазах не было раскаяния. –

Но ты не переживай так, охотничек. Воспитательную беседу я с ними уже провела. Обещаю, они больше не будут вести себя плохо.

Не успел я моргнуть, как она в одно мгновение преодолела разделявшее нас расстояние. Воздух вокруг стал ледяным. Она оказалась вплотную, вцепившись мертвой хваткой в ворот моего плаща и впиваясь алым, гипнотическим взглядом прямо в мои глаза. От неё пахло чем-то приторно-сладким, дурманящим сознание.

– Твои глаза... Я не могу оторваться от них. Почему они такие, Кейн? – прошептала она, и её дыхание коснулось моих губ.

А затем она вцепилась в меня поцелуем – диким, жадным, пахнущим кровью и опасностью. На мгновение я замешкался, оглушенный этим напором, но рассудок быстро вернулся. «Это мой шанс», – промелькнуло в голове. Я стал отвечать, прижимая её к себе, имитируя страсть, а сам нащупал клинок, пропитанный нашим самым сильным составом.

Один резкий удар – и сталь вошла точно в сердце.

Изи вытаращила глаза, задохнулась и резко отшатнулась. На моём лице расцвела победная улыбка: наконец-то я достал её.

Она стояла в недоумении, судорожно хватаясь за рукоять в груди, согнулась пополам... а потом зашлась в смехе. Громком, заливистом, торжествующем. Моя улыбка тут же исчезла.

– Кейн, снова не то! – она выпрямилась, и в её глазах не было ни капли боли.

Она снова подскочила ко мне, сминая мой воротник, и опять вцепилась в губы, на этот раз прокусывая их до крови. Я почувствовал, как она жадно высасывает мою кровь, издавая при этом стон почти экстатического удовольствия.

– Я не понимаю, почему... Но твоя кровь... она странная. Такая притягательная, – выдохнула она, отстраняясь.

Одним рывком она вырвала клинок из собственного сердца и, даже не поморщившись, вложила его обратно мне в ладонь.

– Ищи другое. Это не подходит.

Затем она прокусила собственную губу и снова накрыла мой рот своим, вталкивая языком струю своей горячей, густой крови вперемешку с моей. Я захлебнулся от этого резкого металлического привкуса, пытаясь оттолкнуть её, но невольно проглотил эту смесь. Горло обожгло, словно жидким огнем.

Она прижалась ко мне всем телом, обжигая холодом через ткань плаща, и прошептала прямо в губы:

– Ты совсем не стараешься, Кейн. Как видишь, я всё ещё жива.

Она отстранилась и, легко задев моё плечо, зашагала прочь, словно и не было только что удара в самое сердце.

– Почему ты так жаждешь умереть?! – выкрикнул я ей в спину, чувствуя, как дрожат руки.

Она остановилась, но не обернулась.

– Всё просто, Кейн. Я уже мертва. А это тело... просто сосуд, от которого иногда невыносимо хочется избавиться.

«Что это значит? Какой еще сосуд?» – мысли путались, но я должен был узнать хоть что-то.

– Как тебя зовут на самом деле?

Изи расхохоталась – громко, искренне, запрокинув голову к темному небу.

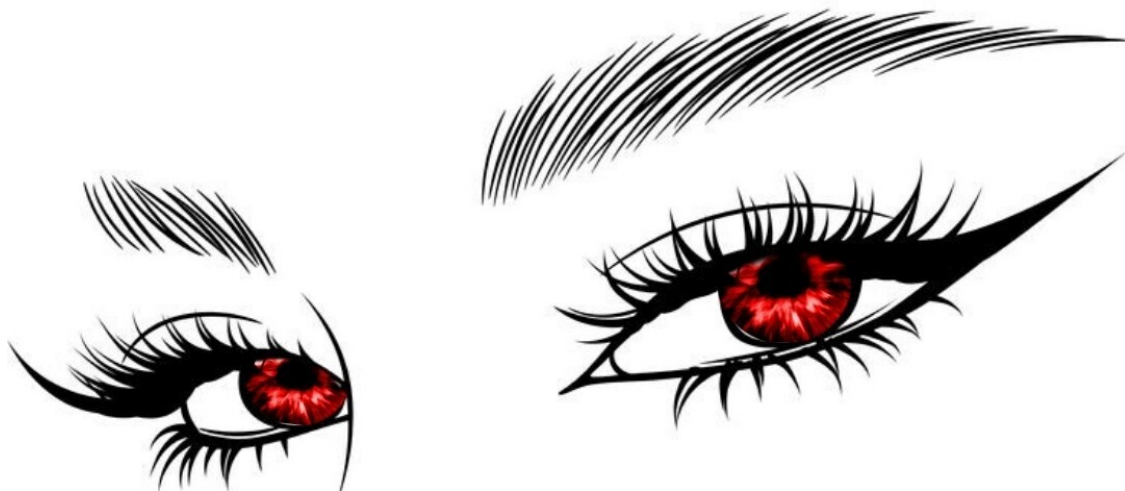
– Ну вот, опять ты глупишь! Я – Изи, Кейн. А если тебя так тянет в прошлое... когда-то меня звали Изи Весталин.

Как только её силуэт растворился в ночном тумане, мой мир взорвался. Тело словно сковало льдом, а по венам ударил мощный поток первобытной, пугающей силы. Зрение обострилось до предела: я видел каждую трещину на кирпичной кладке в сотне метров от себя. Звуки города превратились в симфонию – я слышал сердцебиение спящих людей в домах и даже шелест её платья, хотя она была уже далеко.

И тут до меня донесся голос. Она не кричала, не шептала – она просто знала, что теперь я её слышу.

– Передай Вейну: жду его завтра ночью у клуба в центре. Не придет – пришлю подарок.

Глава 12

Изи

Мой новый дом – это манифест технологического превосходства над тем плесневелым склепом, который отец называет крепостью. Снаружи это безупречный образец современной архитектуры: острые углы из матового бетона, панорамное остекление и холодный сланец. Никаких горгулий, никаких тяжелых дубовых дверей – только лаконичная роскошь, за которой скрывается цитадель.

Внутри царит стерильный, почти хирургический минимализм. Я ненавижу пыль веков, поэтому здесь всё дышит чистотой. Вместо ковров, впитывающих запах смерти, – наливные полы, черные и гладкие, как застывшее озеро. Свет здесь не дрожит от сквозняков, как пламя свечи; он льется мягкими, мертвенно-белыми полосами из скрытых диодных панелей, подчеркивая каждый изгиб моего нового тела.

Моя гостиная больше похожа на центр управления. Огромные экраны во всю стену транслируют холодный шум или графики моих биоритмов, заменяя бесполезные портреты предков. Здесь нет места антиквариату. Каждая вещь функциональна: от сенсорных панелей, которые по одному моему жесту превращают день в непроницаемую ночь, до скрытых в стенах систем фильтрации, выжигающих любой намек на запах живой плоти.

Я мерила гостиную размашистыми шагами, и каждый звук моих каблучков по паркету отзывался в голове невыносимым звоном. Пустота. Эта проклятая, вязкая скука душила меня, превращая вечность в бесконечный серый лабиринт. За что бы я ни бралась, всё казалось пресным, лишённым смысла.

– Агрх! – я в ярости смахнула со стола всё: коллекционный фарфор, старинные книги, графин с ледяным вином. Осколки разлетелись с мелодичным звоном, но легче не стало. – Как же я тебя ненавижу, Изанис!

Я обессиленно рухнула на диван, уставившись в потолок, где в тених плясали отсветы ночного города. Может, и вправду подставить шею этим охотникам? Пусть закончат этот затянувшийся фарс. Но что-то внутри протестовало. А вдруг завтра... вдруг именно завтра случится что-то, что заставит моё мертвое сердце пропустить удар не от яда, а от азарта?

Я резко подскочила, вонзая ногти в обивку дивана. Этот охотник... Кейн. Почему его вкус преследует меня? Почему в его крови столько странной, будоражащей горечи? Он ведь полукровка, это чувствуется в каждом глотке.

Мой взгляд упал на Морвона, который всё это время неподвижно замер в углу, словно статуя.

– Эй, иди сюда. Живо! – приказала я, прищулив алые глаза.

Он поднялся без единого звука и подошел вплотную. Я похлопала по месту рядом с собой. Как только он сел, я начала медленно, по-кошачьи подкрадываться к нему, не разрывая зрительного контакта. В его глазах вспыхнул опасный огонек.

– Детка, если ты захотела поиграть, тебе достаточно было просто сказать, – хрипло прошептал он, перехватывая инициативу.

Морон резко опрокинул меня, нависая сверху и демонстрируя острые, как бритва, клыки. Его ладонь бесцеремонно скользнула по моему бедру, задирая кружевной подол платья всё выше, сминая ткань и кожу. Но я не была бы собой, если бы позволила ему вести. В одно мгновение, используя свою сверхъестественную скорость, я поменяла нас местами, усаживая его на диван и оседлав его бедра.

Он тут же по-хозяйски накрыл мои ягодицы ладонями, сжимая их так сильно, будто я уже дала согласие на всё. Я наклонилась к самому его уху, опалая кожу ледяным дыханием, а затем опустила ниже, к пульсирующей жилке на шее.

– Я только попробую... – выдохнула я и мертвой хваткой впилась в его плоть.

Морвон вскрикнул, его пальцы судорожно впелись в мое тело, а мышцы одеревенели. Я жадно глотала его кровь, пытаюсь найти в ней хоть каплю того безумия, которое подарил мне Кейн, но вкус был... обычным. Просто кровь. Вампирская кровь.

– Изи... – прохрипел он, его голос сорвался на свист. – Какого хрена ты творишь?!

Но я не слушала. Я жадно впитывала его жизнь, пытаюсь поймать ту самую искру, ту горечь, что осталась на языке после Кейна. Секунда, вторая... и я резко отстранилась, брезгливо вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Блин, не то! – разочарованно простонала я, откидываясь назад. – Вообще не то, что нужно. Пресно. Пусто.

– Ты с ума сошла? – Морвен тяжело дышал, прижимая ладонь к ране на шее. – Мы не пьем кровь друг друга, это же закон!

– Ты скучный, – отрезала я, рывком поднимаясь и поправляя сбитое платье. – Уходи.

Но он не собирался так просто сдаваться. Он подскочил, в мгновение ока подхватил меня под бедра и прижал к стене, приподнимая над полом. В его глазах полыхнула ответная жажда.

– Детка, ты начала игру, но не закончила её. Хочешь? Пей,— прорычал он, бросая меня обратно на диван и нависая сверху тяжелой скалой.

Прежде чем я успела вставить хоть слово, он впился губами в мою шею, спускаясь к груди. На мгновение я прикрыла глаза, позволяя теплу разлиться по телу, но тут же распахнула их. Перед мысленным взором всплыли холодные, пронзительные глаза охотника. Нет. Не сейчас.

Я с силой отпихнула Морвена, едва не скинув его с дивана, и вскочила, подхватывая сумочку.

– Прибереги свой запал на потом. У меня сегодня игра с кое-кем поинтереснее, – бросила я через плечо.

Морон истошно простонал от разочарования, бессильно повалившись на подушки.

– Пошли, Морвен, у нас «перевоспитание», – скомандовала я, уже на ходу восстанавливая самообладание.

Когда мы добрались до убежища в густом лесу моего новообращенного клана, я замерла на пороге. Изнутри доносились не просто крики – там стоял звериный рык и хруст ломающихся костей.

– У нас что, гости? Охотники пожаловали? – я глянула на Морвена, но тот лишь недоуменно пожал плечами.

Мы ворвались внутрь, и увиденное заставило даже мое мертвое сердце сжаться. Это были не люди. Другие вампиры – старше, сильнее, безумнее – методично и безжалостно вырезали мой молодежь. Они не просто убивали, они разрывали их на части, превращая убежище в кровавую баню. Мои «дети» даже не успевали оказать сопротивления, умирая с выражением застывшего ужаса на лицах.

– Что здесь происходит?! – мой рык, полный ярости, эхом разнесся по окровавленному залу.

Мир вокруг словно замер. Те немногие из моих ребят, кто еще стоял на ногах, испуганно бросились ко мне, ища защиты за моей спиной. Глядя на горы тел, я чувствовала, как внутри закипает непреодолимый гнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.